

С. 5 «Елена»

В последнее время в нашу редакцию стали приходить письма обеспокоенных прихожан Новодевичьего монастыря, оскорбленных публикациями журнала «Благодатный огонь». Наше нежелание публиковать эти искренние и полные справедливого негодования письма может показаться странным, если мы не объясним во всеуслышание, почему мы поступаем так, а не иначе.

С. 6 «Пускай меня простит Винсент Ван-Гог...»

Эти строки из стихотворения Арсения Тарковского вновь заставляют нас задуматься, почему великий художник не чужой нам... Например, подумать о том, что может объединить таких различных людей, как Гоголь и Ван Гог, кроме звуковой переклички их славных, всемирно известных имён.

С. 7 В плену следственных дел

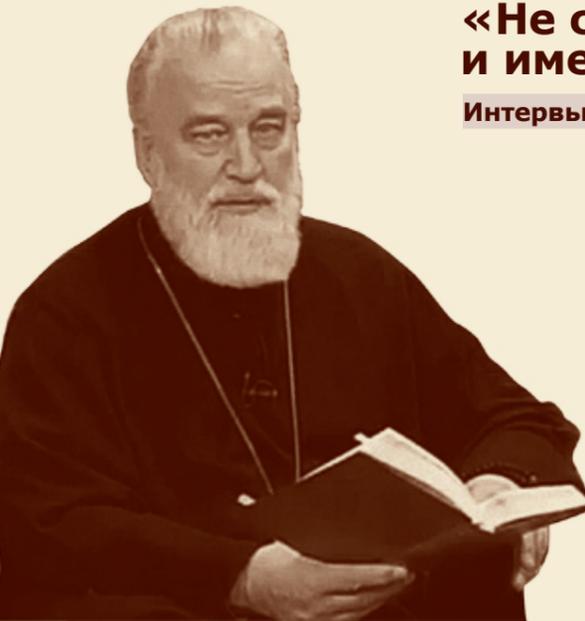
Многие из мужественных свидетелей веры еще не канонизированы, а их подвиг зачастую известен лишь немногим исследователям их жизненного пути. В настоящее время среди историков ведутся споры о том, можно или нельзя в вопросах канонизации новомучеников и исповедников опираться на материалы следственных дел, фальсификацию которых не всегда возможно выявить.

Открытая встреча

Мы продолжаем публиковать материалы миссионерских Открытых встреч: вступительное слово ведущего во второй из серии встреч, прошедших в феврале-марте 2013 года, а также прозвучавшие на встрече вопросы и ответы.

«Не спешите делать скоропалительные выводы и именовать людей сектантами или раскольниками...»

Интервью с митрополитом Рязанским и Михайловским Павлом

Митрополит Павел во время передачи на телеканале «Союз»

В этом году 7 мая исполнится 10 лет со дня назначения митрополита Павла на Рязанскую кафедру. В 1980-е годы владыка нёс послушание в Русской духовной миссии в Иерусалиме, а потом и возглавлял её. В течение трёх с половиной лет был наместником Успенского Псково-Печерского монастыря. С 1992 года – Управляющий Патриаршими приходами в США и временно в Канаде, а в декабре 1999 года был назначен епископом Венским и Австрийским с окормлением Венгерского благочиния. В 2012 году отмечалась пятая годовщина восстановления единства Русской Церкви в отечестве и за границей. Поэтому вовсе не случайно на праздничных мероприятиях в Америке российскую делегацию возглавлял митрополит Рязанский и Михайловский Павел.

Зная владыку Павла как архипастыря, который использует любую возможность, в том числе и СМИ, чтобы нести Слово Божье людям, мы, члены рязанской общины, входящей в Преображенское содружество малых

православных братств, взяли благословение на интервью для газеты «Кифа». Владыка Павел принял нас в своём рабочем кабинете, около часа длилась непринуждённая беседа.

Ваше Высокопреосвященство, мы знаем, что Вы родились в Караган-де, где были крещены св. старцем Севастианом (Фоминым), который прославлен в 1997 году как местночтимый святой, а в 2000 году причислен к лику святых новомучеников и исповедников Российских. Какое из его наставлений запомнилось Вам больше всего?

Я, конечно, не помню, как он меня крестил, поскольку был крещён в младенчестве (с улыбкой). Однако хочу сказать, что в жизни нашей семьи старец Севастиан имел чрезвычайно важное значение. Только благодаря его святым

молитвам моя мама осталась жива после тяжёлой операции. Отец Севастиан бывал у нас в доме, всех нас, малышей, благословлял. Старец принимал участие не только в нашей семье, но и в каждом, кто посещал храм: молился, благословлял, наставлял, поучал. Он имел от Бога дары прозорливости, чудотворения и юродства. Множество людей приезжало к нему отовсюду, и никому он не отказывал в помощи. Преподобный старец Севастиан Карагандинский действительно был столп от земли до неба.

Владыка, был ли у старца ближний круг, что это были за люди?

Конечно, вокруг старца Севастиана были люди, которые помогали ему в службе и которых он особо окормлял.

Окончание на с. 4–5

Искусство живёт там, где есть зрители

Может ли художник стать иконописцем и, будучи иконописцем, оставаться художником? Ответ на этот вопрос прозвучал 7 апреля на открытии персональной выставки Ефросинии-Ларисы Галкиной в Культурно-просветительском центре «Преображение». Выставка организована Преображенским братством и Музейно-выставочным отделом Культурно-просветительского центра «Преображение» и приурочена к 85-летию художницы. В экспозиции представлены портреты, сюжетные картины, пейзажи, натюрморты и собрание икон, большая часть которых написана в последнее десятилетие для Свято-Филаретовского института и Преображенского братства. В праздничном открытии выставки приняли участие духовный почитатель Преображенского братства, ректор Свято-Филаретовского института профессор священник Георгий Кочетков, профессор института искусствовед Александр Копировский, скульптор Леопольд Блях, члены Преображенского братства и гости.

Лариса Пантелеймоновна Галкина родилась в Подмоскowie 7 апреля 1928 года. Начала заниматься рисованием в 12 лет, в 1951 году окончила Московское городское художественное училище памяти 1905 года. Входила в круг нонконформистов (Лидия Мастеркова, Михаил Рогинский, Николай Вечтомов, Владимир Немухин, Дмитрий Плавин-

Во время открытия выставки. Ефросиния-Лариса Галкина (сидит в инвалидном кресле) среди братьев и сестер

ский), участвовала в знаменитой «бульдозерной» выставке 1974 года. В середине 1970-х она пришла к вере, крестилась с именем Ефросиния в подмосковном храме. Вскоре познакомилась с Юрием Кочетковым (будущим о. Георгием) и в середине 1980-х вошла в огласительную группу, затем в первую общину, ставшую основой Преображенского братства. В 1989 году Ефросиния Галкина начала писать иконы. Одновременно она продолжала писать картины в привычной для себя манере, но с христианским содержанием и символикой.

Священник Георгий Кочетков, открывавший выставку, вспоминал о радости, охватившей его, когда он узнал, что Ефросиния-Лариса начала писать иконы: «Если вы сравните годы их создания, то увидите, какой удивительный духовный процесс происходил в человеке, если он по-прежнему хорошо умеет писать картины, но научился в связи с расширением и углублением своего духовного опыта прекрасно писать иконы. ...Меня больше всего потрясли последние иконы Ефросинии, потому что я думал, что написать хорошую икону в 85 лет невозможно даже для гениального иконописца. На всё нужны просто какие-то обычные человеческие силы и возможности. Но мне кажется, что как раз Ефросиния-Лариса Галкина опровергает этот тезис. Я с удовольствием смотрю на её иконы, и на последние несколько не менее, несмотря на то, что иногда её рука дрожит, иногда там несовершенны какие-то мелочи, в которых пусть разбираются искусствоведы. Вот она написала недавно икону великомученика Димитрия и великомученика Георгия и подарила её нам, и её вполне возможно признать настоящей иконой. А ведь далеко не всякую икону можно признать иконой, далеко не всякую картину можно признать картиной, – я думаю, для всех это уже давно стало ясно.

Окончание на с. 8

Не отказаться от наследства

Комментарии к ситуации, сложившейся за последние месяцы в Архиепископии русских православных церквей в Западной Европе

15 января 2013 г. архиепископ Команский Гавриил де Вильдер, возглавлявший в течение 10 лет Архиепископию русских церквей в Западной Европе (Константинопольский патриархат), вынужден был уйти на покой в связи с тяжёлой болезнью. Местоблюстителем Архиепископии был назначен правящий архиерей греческой митрополии Франции и патриарший экзарх в Европе митрополит Галльский Эммануил, который по уставу Архиепископии обязан провести выборы нового архиепископа в течение 4 месяцев, т. е. до мая (правлящий архиерей в Архиепископии не назначается, а избирается епархиальным съездом, состоящим из духовенства и мирян, представляющих свои приходы). Однако 8 марта стало известно, что впервые за всю историю существования Архиепископии не утвержден список кандидатов в архиепископы, составленный 13 февраля Советом Архиепископии. В письме от 4 марта Константинопольский патриарх Варфоломей предложил местоблюстителю продолжить временно исполнять свои обязанности в качестве патриаршего экзарха. В связи с этим чрезвычайное общее собрание по выборам нового архиепископа, назначенное на 29–30 марта, было заменено на общее епархиальное собрание без права принятия решений. Прокомментировать сложившуюся ситуацию в свете решений этого собрания мы попросили Даниила Струве и священника Георгия Кочеткова

Архиепископия фактически оказалась на грани уничтожения. Не было ли совершенно повлекших эту ситуацию ошибок (возможно, в прошлом)?

Даниил Струве: Архиепископия испытывает недостаток в кандидатах в епископы. С одной стороны, требования очень высокие, с другой, нет среды, в которой формировались бы монахи-администраторы. Это непростой вопрос, и не только в нашей церкви. Но говорить о том, что «Архиепископия фактически оказалась на грани уничтожения», – преувеличение.

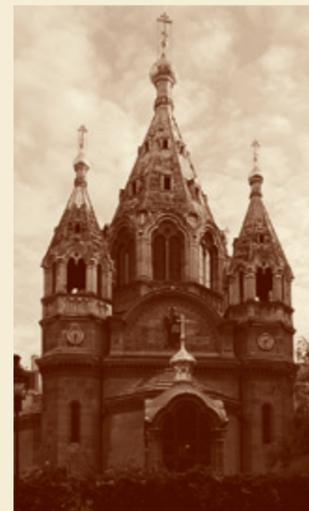
Рано подводить итоги правления архиепископа Гавриила. Архиепископ Гавриил был скорее пастырем, чем администратором. Были у него неудачи, как незаконченная реформа Богословского института или отсутствие готовой замены. Болезнь заставила его уйти преждевременно. Среди положитель-

ных аспектов – твёрдый курс на защиту автономии в лоне Константинопольского патриархата, а также пастырская работа. Архиепископ Гавриил без усталости посещал приходы, сумел установить живую связь со многими благочиниями в разных странах. За десять лет его правления епархия не только увеличилась численно, но и созрела. В ней много сознательных и активных клириков и мирян. Это уже не чисто этническая община. Владыка Гавриил сумел духовно объединить епархию вокруг единого на потребу.

Каковы перспективы Архиепископии, если вам не дадут существовать как церкви русской традиции?

У нас сейчас одна проблема – найти преемника архиепископу Гавриилу. Процесс столкнулся с неожиданными сложностями.

Окончание на с. 3

Кафедральный собор Архиепископии – храм Александра Невского в Париже

Новости православных братств

Милосердие прорастает в вечность

В праздник Благовещения в Никольском кафедральном соборе г. Камышина состоялась встреча, посвящённая жизни и подвигу преподобномученицы Елизаветы Фёдоровны

Цикл ежемесячных встреч памяти новомучеников подготовили прихожане собора – члены малого братства во имя Новомучеников и исповедников Российских (Преображенское содружество малых православных братств). Члены братства считают жизненно важным, чтобы память о новомучениках и исповедниках веры была живой и действенной в церкви, поэтому уделяют особое внимание изучению их наследия.

Во время встречи братчики рассказали прихожанам и гостям о жизни и подвиге великой княгини Елизаветы Фёдоровны Романовой. Особый интерес и удивление собравшихся вызвала информация о детстве и юности великой княгини, ведь жизнь принцессы мы обычно представляем себе совсем по-другому. Как выяснилось, не в такой уж роскоши росла маленькая Элла – одна из семерых детей английской принцессы Алисы (дочери королевы Виктории) и немецкого великого герцога Гессен-Дармштадтского Людвига IV. При дворе герцога было принято воспитывать детей в строгости. С детства ей и её сёстрам внушали: «Принцессы ничуть не лучше и не выше всех остальных людей». Каждый член семьи, какого бы возраста он ни был, имел многочисленные обязанности перед родными и обществом. Принцессы сами убрали свою комнату, топили в ней камин, даже ставили заплатки на собственную одежду. По субботам принцесса Алиса водила детей в больницы и приюты, воспитывая в них сострадание, а когда Пруссия и Австрия вступили в войну – распорядилась отдать под госпиталь свой дом. С детства Элла видела, как её мать лично занимается судьбами обездоленных, больных людей.

Большую роль в духовной жизни семьи играл образ святой Елизаветы Венгерской (Тюрингской), в честь которой была названа Элла. Эта святая, родоначальница герцогов Гессенских, тоже прославилась благотворительностью. Всё свободное время она помогала нуждающимся, раздавала своё имущество,

вызывая этим насмешки придворных, и кроме того, взяла на себя особое попечение о прокажённых. После гибели мужа, ландграфа Людвиг Тюрингского, в шестом крестовом походе Елизавета Венгерская посвятила всю свою жизнь делам милосердия и принесла монашеские обеты вместе с несколькими служанками. Последние годы она работала в построенной ею больнице для бедных. Пример этой католической святой оказал сильное влияние на Елизавету Фёдоровну, хотя, конечно, она не могла знать в юности, что во многом повторит её судьбу.

Вскоре после гибели мужа, великого князя Сергея Александровича, убитого террористом, на деньги, вырученные от продажи своих драгоценностей, она купила на Большой Ордынке усадьбу с четырьмя домами и обширным садом, где расположилась основанная ею в 1909 году Марфо-Мариинская обитель милосердия. Это не был монастырь в строгом смысле слова, сёстры обители занимались просветительской и медицинской работой. Елизавета Фёдоровна была сторонницей возрождения чина диаконов – служителей церкви первых веков, которые поставались через рукоположение, участвовали в богослужениях, занимались катехизацией женщин и помогали при их крещении, служили больным и нищим. Она получила поддержку большинства членов Святейшего Синода в вопросе о присвоении этого звания сёстрам обители, однако окончательное решение так и не было принято.

Интересно, что при создании обители был использован как русский православный, так и европейский опыт. Сёстры, жившие в обители, приносили обеты целомудрия, нестяжания и послушания, однако, в отличие от монахинь, по истечении определённого срока устав обители позволял сёстрам выйти из неё и создать семью. Обеты, которые давали сёстры милосердия в обители, были временными – на год, на три года, на шесть лет и только затем – на всю жизнь. Сёстры также по желанию могли быть пострижены в мантию, минуя иночество. Они получали

в обители серьёзную психологическую, духовную и медицинскую подготовку. Им читали лекции лучшие врачи Москвы, просветительские и катехизические беседы с ними проводили духовник обители о. Митрофан Сребрянский (позднее архимандрит Сергей; в 2000 г. канонизирован в лике святых новомучеников и исповедников Российских) и второй священник обители о. Евгений Синадский.

По замыслу Елизаветы Фёдоровны, обитель должна была оказывать комплексную, духовно-просветительскую и медицинскую помощь нуждающимся. Очень часто им не просто давали еду и одежду, но и помогали найти работу, устраивали в больницы. Детям в приюте давали образование, хороший уход и профессию. В обители были созданы больница, амбулатория, аптека, где часть лекарств выдавалась бесплатно, приют, бесплатная столовая. В Покровском храме обители проходили просветительские лекции и беседы, заседания Императорского православного палестинского общества, Русского географического общества, духовные чтения и другие просветительские встречи.

Слова Елизаветы Фёдоровны никогда не расходились с делом: поселившись в обители, она вела подвижническую жизнь – ночами ухаживала за тяжелобольными или читала Псалтырь над умершими, а днём трудилась вместе со своими сёстрами в обители или обходила беднейшие кварталы Москвы в поиске нуждающихся в помощи. Там её очень уважали за достоинство, с которым она держалась, и полное отсутствие превозношения над обитателями московских трущоб. Её любовь к ним была искренней, забота – разумной, а помощь – адресной.

Елизавета Фёдоровна отказалась покинуть Россию после прихода к власти большевиков, хотя имела такую возможность. Весной 1918 года она была заключена под стражу и выслана из Москвы в Пермь. В мае 1918 года её вместе с другими представителями дома Романовых перевезли в Екатеринбург, за-

тем – в Алапаевск. В ссылке она не теряла присутствия духа, в письмах наставляла оставшихся сестёр, завещая им хранить любовь к Богу и ближним. Вместе с ней находилась сестра из Марфо-Мариинской обители Варвара Яковлева. В ночь на 5 (18) июля 1918 года великая княгиня Елизавета Фёдоровна вместе с другими членами дома Романовых была казнена большевиками: они были сброшены в заброшенную шахту в 18 км от Алапаевска.

Встреча завершилась просмотром фильма «Библейский сюжет. Христос у Марфы и Марии», основанный на воспоминаниях художника Михаила Нестерова, по просьбе Елизаветы Фёдоровны расписавшего Покровский собор Марфо-Мариинской обители. На фресках собора художник изобразил сестёр милосердия обители, приводящих людей ко Христу.

На встрече братчики прочитали письма Елизаветы Фёдоровны отцу и семье о её переходе из протестантизма в православие (что во многом определило её дальнейшую жизнь и судьбу), а также письмо сёстрам Марфо-Мариинской обители, написанное Елизаветой Фёдоровной из ссылки.

Следующая встреча из цикла о новомучениках и исповедниках Российских состоится после Пасхи и будет посвящена памяти духовника Марфо-Мариинской обители преподобноисповедника архимандрита Сергия (Сребрянского).

Наталья Адаменко
Информационная служба
Преображенского братства

Литургическое возрождение

27 марта 2013 года, в среду второй седмицы Великого поста, в храме апостола и евангелиста Иоанна Богослова по сложившейся традиции, вечером, совершена Литургия преждеосвящённых даров.

Богослужение возглавил проректор по воспитательной работе протоиерей Виталий Гришук в сослужении клириков академического храма: иеромонахов Ген-

Литургия преждеосвящённых даров совершена в домовом храме СПбДА по уставу – вечером

Вопрос о служении Литургии преждеосвящённых даров перед заходом солнца, как это было в древней традиции Церкви, был поставлен на заседании Священного Синода 1968 года

надия (Полякова) и Илариона (Резниченко); священников Андрея Парафенюка, Глеба Санюка, Александра Зиновкина и Алексия Красавина; иеродиаконов Виталия (Морозова) и Афанасия (Букина), диаконов Георгия Якимова, Владислава Туманова и Андрея Волкова.

В древности Литургия преждеосвящённых даров всегда совершалась в вечернее время – перед заходом солнца, однако со временем это правило было изменено. Вопрос о возвращении к этому обычаю был поставлен на заседании Священного Синода Московской Патриархии 1968 года. Обращение поступило от

некоторых архиереев, которые констатировали, что большинство прихожан из их епархий не имеют возможности посещать Литургию Преждеосвящённых Даров, совершаемую в утреннее время, из-за занятости на рабочих местах. Рассмотрев прошения архиереев и учитывая существование подобного обычая в древней Церкви, Священный Синод Русской церкви постановил, что совершение Литургии преждеосвящённых даров в вечернее время не возбраняется. Тогда же были установлены правила, определяющие время воздержания от пищи для священнослужителей и мирян, желающих

принять участие в Таинстве.

По благословению ректора епископа Амвросия в Санкт-Петербургской православной духовной академии уже на протяжении нескольких лет существует традиция совершения Литургии преждеосвящённых даров в вечернее время. Это позволяет студентам академии без отрыва от учебного процесса участвовать в богослужении и приобщаться Святых Таин, а также даёт такую возможность всем прихожанам академического храма, в утреннее время занятым на работе в учреждениях и на предпрятиях.

Пресс-служба СПбДА
Фото: Александр Осокин

Издание Преображенского содружества малых православных братств

Кифа

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви (Свид. №081 от 3 мая 2011 г.).

Главный редактор:
А.В. Колымагина

Адрес редакции и издателя:
105062, г. Москва,
ул. Покровка, д.29

Тел./факс: +7 (495) 624-9250

Электронный адрес редакции:
kifa@list.ru

Электронная версия газеты:
gazetakifa.ru

Подписной индекс
в агентстве Роспечать – 19601

Над номером работали:
Анастасия Наконечная, Максим Деметьев, Александр Копировский, Елена Шевелева, Дмитрий Дорошко, Ирина Кольцова, Лариса Мусина, Мария Кайкова

Дизайн и верстка: Марина Подкопаева

Учредитель: Культурно-просветительский фонд
«Преображение».

Газета издается с октября 2002 г.

Культурно-просветительский фонд «Преображение».

Все права защищены.

Мнение редакции может не совпадать
с мнением авторов.

Нашу газету можно приобрести:
в интернет-магазине predanie.org;

в Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении СФИ – ул. Покровка, д. 29, оф. 38);
в Санкт-Петербурге:
в киоске «Предание»,
тел. +7-963-316-37-81.

Телефоны распространителей

Москва:
+7-964-534-64-55
(Александра Ошарина),
+7-965-146-14-56
(Анна Гринман),
+7-965-128-15-07
(Марина Чиркова)
Санкт-Петербург:
+7-963-316-3981
(Анастасия Наконечная)

США, Канада: 1-651-210-4922,
oleg@voskres.net

(Олег Воскресенский)

Архангельск: +7-921-073-3276
(Надежда Макурина)

Вельск: +7-921-247-1137
(София Кудряцева)

Воронеж: +7-950-763-5035
(Александр Терехов)

Екатеринбург: +7-904-388-0391
(Татьяна Благодарева)

Рязань: +7-920-632-06-71
(Сергей Гаврилов)

Северодвинск: +7-964-296-9042,
+7-905-551-02-70 (Олег Ермолаев)

Тверь: +7-909-266-88-83,
+7-905-551-02-70 (Олег Ермолаев)

Тула: +7-920-746-69-73
(Марина Писаревская)

Электросталь: +7-926-787-4305
(Ольга Кузнецова)

Газета зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-46907 от 5 октября 2011 г.

Отпечатано в типографии «Эльф», г. Москва,
ул. Сушевский вал, д. 49.

Тираж 1350. Цена свободная.

Выпуск подписан в печать 18 апреля 2013 г.
Время подписания в печать: по графику – 9.00,
фактическое – 9.00.

Дата выхода в свет 23 апреля 2013 г.

gazetakifa.ru

Не отказаться от наследства

Ситуацию, сложившуюся за последние месяцы в Архиепископии русских православных церквей в Западной Европе, комментируют Даниил Струве и священник Георгий Кочетков

Назначенный местоблюстителем митрополит Франции Эммануил отказался передать на рассмотрение в Синод список кандидатов, который был сперва утверждён им самим и Советом Архиепископии. Для выхода из кризиса патриарх Варфоломей предложил продлить полномочия местоблюстителя, назначив его временным управляющим в звании Экзарха и поставив ему в помощники викарного епископа. Патриаршее предложение вызвало много вопросов, но следует понимать, что оно являлось ответом на кризисное положение. Нет оснований полагать, что Константинопольский патриархат решил в чём-то изменить статус Архиепископии, например, присоединить её к греческим митрополиям.

30 марта состоялось Епархиальное собрание, на которое съехалось около 200 делегатов клириков и мирян. Несмотря на то, что оно было объявлено неуставным, т. е. не обладающим правом принимать решения, оно позволило дать слово церковному народу. Епархия высказалась за возобновление поиска кандидатов и отклонила предложение об избрании викарного епископа, посчитав его невозможным в отсутствие правящего архиерея. Полномочия митрополита Эммануила будут продлены до 1 ноября в качестве временно управляющего, но не правящего архиерея, поскольку, как было уточнено, каноны запрещают епископу управлять двумя епархиями. Есть надежда, что выборы нового архиепископа состоятся до ноября 2013 года, возможно даже, перед летом.

Перспектив для существования Архиепископии в каком-нибудь другом статусе или в другой юрисдикции сейчас, думаю, нет. Дело не столько в «русской традиции», сколько в автономии, которой мы пользуемся, и в особом каноническом строе, восходящем к постановлению Московского поместного собора 1917–1918 гг., юбилей которого будет отмечаться через четыре года.

В чём историческая миссия Архиепископии?

Каждый кризис полезен тем, что является проверкой на прочность. Нет смысла в одном отстаивании когда-то завоёванного статуса. Исчезновение Архиепископии позволило бы нарисовать более стройную карту православных церковных уделов в Западной Европе: одной юрисдикцией стало бы меньше. Но не думаю, чтобы от этого наша церковная жизнь оживилась. Архиепископия, где преобладает местное духовенство и местная паства, где епископы и настоятели приходов не назначаются в отдалённом центре, а формируются на месте, и которая не зависит ни от какого государства, принимает самое активное участие в церковной жизни в Западной Европе наряду с другими епархиями и может считаться зачатком местного православия. Своим почти вековым существованием она продолжает свидетельствовать о значении постановлений Московского поместного собора 1917–1918 гг. и о духовном и богословском опыте русской церковной эмиграции XX века. Не всё даётся легко, есть много слабых мест и неразрешённых проблем, остро проявляющихся при каждой смене поколений. Но историческая миссия Архиепископии продолжается, и, как показало Епархиальное собрание, члены её это хорошо осознают.

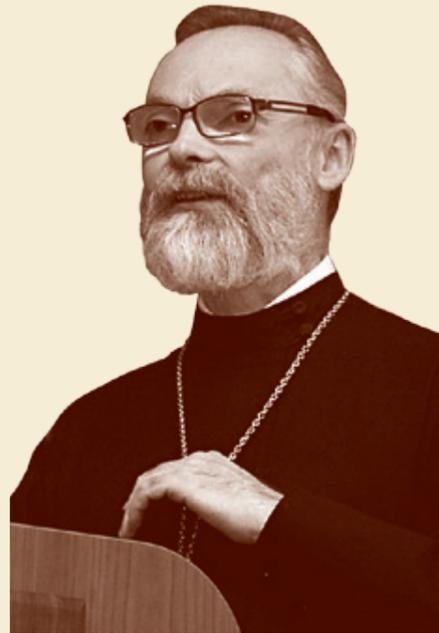
Ситуация, сложившаяся сейчас в Архиепископии, является итогом большого серьёзного пути, той страницы истории, которая, судя по всему, сейчас готова перевернуться. Начинаются какие-то новые этапы жизни Русской церкви и всего, что с ней связано. Ведь для всего Православия, для Русской церкви и, конечно, для России, всё, что связано с Русским западноевропейским экзархатом, с так называемой евлогианской традицией, имело большое значение. Это невозможно взять и вычеркнуть или даже как-либо умалить, уменьшить. Значение всего того, что делалось в этой церкви, было чрезвычайно велико. Там были сосредоточены все лучшие силы, все лучшие умы и сердца зарубежной Русской церкви. И великие люди, и святые были возвращены в ней. Еще не вполне оцененные, еще не вполне понятые до сих пор, они во многих странах мира продолжают привлекать умы и сердца людей думающих, верующих, желающих двигаться вперед, не оборачиваясь назад.

Эта церковь никогда не была внешне сильной и большой; она всегда была полунисценствующей, но свободной. Она всегда была связана с Россией, с русской историей, с желанием вернуться и вернуть долг Родине. Удивительно, что представители русской эмиграции, которая в большей своей части оказалась в таком состоянии совсем не по своей воле, считали себя должниками России и Русской церкви, русского народа. Они понимали, что та катастрофа, та беда, которая пришла на Русь, которая уничтожила эту великую страну, великую культуру и великий народ, — эта беда не может существовать вечно, она рано или поздно себя исчерпает. И люди надеялись, что это произойдет очень скоро. Они трудились, не покладая рук, не щадя себя, не ища для себя выгод и удобств. Люди горели творческим огнем, несмотря на то, что, к сожалению, несли в себе иногда и определенные недостатки, и даже грехи старого русского общества. Например, они часто разделялись, не ценили своего единства, не чувствовали своего общего — а не только личного — призвания; они часто не хотели или не могли понять друг друга; они иногда раздваивались, идеализировали старую и новую Россию, им хотелось — как это часто бывало и в других случаях в истории — видеть ее слишком прекрасной, в духе некоего всемирного мессианства русского народа, что было, конечно, большой ошибкой. И из-за того, что не хватало единства, люди часто не могли, в достаточной степени объединившись, поддерживать друг друга и сопротивляться напору зла, которое подчас проникало и в их собственную среду. Я уж не говорю про церковные разделения, это отдельная тема.

И вот сейчас эта великая история подходит к концу. Мы должны подводить итоги XX века. Но ни в России, где нужно было прежде всего оценить духовное значение подвига новомучеников и исповедников, усвоить их наследие, ни за рубежом, где нужно было то же самое сделать по отношению к собственным великим предкам, это не идет гладко и просто, это не получается сделать как следует и до конца. В России всё остается слишком идеологизированным, предвзятым, неполным, противоречивым. Нам не хватает свободы от всех тех внутренних и внешних нагромождений, от той смуты, которую принесла в душу народа коммунистическая эпоха — эпоха великих преступлений, но и великих свершений святых людей. А за рубежом отчасти не хватало мудрости понять, что, сохраняя свою свободу — что, безусловно, надо всегда делать, — сохраняя свое наследие, нужно было прилагать больше усилий для сохранения своего языка, своей ответственности перед

Россией и русской культурой. Единственный человек, который много лет удивительным, непостижимым образом делал это на высочайшем уровне, это Никита Алексеевич Струве. Но боюсь, что сегодня еще никто не ощущает, что Русский экзархат оказался сейчас почти на грани отмирания, можно даже сказать — вымирания.

Где была сделана ошибка? Мне представляется, что она была сделана прежде всего в конце 1980-х — начале 1990-х годов, когда Русский экзархат не захотел больше считать себя русским, как бы постеснялся своей русскости. Живя уже не одно поколение в западноевропейском обществе, он захотел слишком хорошо и удобно устроиться на земле. Он слишком приспособился к своему контексту, к своей хорошей внешней жизни. Люди потеряли язык, перестали воспринимать многое из того, что было сделано их предками, их великими предшественниками в Экзархате, в западноевропейской части Русской церкви. Люди потеряли возможность, таким образом, свидетельствовать о великом опыте, накопленном их предками в Западной Европе в XX веке. Кроме того, Экзархат, к сожалению, не понял, как ему надо сейчас жить, что надо поменять внутри себя для того, чтобы великолепный, удивительный, замечательный опыт жизни этой церкви по правилам, утверждённым Великим Московским собором 1917–18 годов, был перенесен в Россию и во всё Православие. А ведь этот опыт почти никому не известен — разве что американской ветви Русской церкви он неплохо знаком; на своем примере они могут здесь многое сказать. Это было призванием, особенностью Русского западноевропейского экзархата: нести свидетельство о плодах Собора, чтобы они не потерялись под воздействием маргинальных и ретроградных сил в России и во всем мире, в том числе и греческом. Нужно было нести опыт о. Сергия Булгакова, Николая Бердяева, не отказываться от них, не поддаваться на провокацию тех, кто пытался называть их какими-то чуть ли не еретиками, чуть ли не отступившими от православия людьми. Нужно было сохранить свою русскую идентичность, ибо потеряв ее, Экзархат потерял ту единственную особенность, которая позволяла ему существовать автономно, самостоятельно, в качестве некой особой целостности внутри всемирной Православной церкви. Когда стали говорить о том, что это семья поместного православия во Франции, в Западной Европе, что это семья для всех-всех-всех, то за этой совершенно похвальной, близкой и понятной для каждого открытостью не надо было забывать и о своих границах, о своих корнях, о своей ответственности, о своей судьбе, которая не покрывает всего мира, которая всегда и везде очень конкретна. Это узкий путь служения России, Русской церкви, и только через этот свой путь, через свое наследие, через свою русскость, пусть и в европейской одежде, можно было исполнить свое призвание и послужить всему Православию: греческому, западноевропейскому, американскому и любому иному. Нельзя было забывать об этой конкретной воле Божьей, о своем долге перед Россией и Русской церковью, о том, что заповедали сохранить и исполнить предки всех основных деятелей русской эмиграции — тех, кто сейчас благодаря именно этим людям приобщен к Православию и к особому опыту, особому взгляду на мир и человека, на евхаристию, на жизнь, любовь, свободу, творчество и личность, — на всё то, что сейчас стоит в центре жизни людей всего мира. Если же это было потеряно, то что удивляться, что все оказываются недовольны — и внутри Экзархата, и в Константинополе, и в Москве?

Мне жаль, что так произошло. Это происходило у меня на глазах, и я с начала 1990-х годов пытался (может быть, очень неуклюже, коряво, непонятно) говорить, приезжая во Францию, что нужно, очень срочно нужно, и совершать богослужение на русском языке, и катехизировать взрослых людей, и создавать общины и братства, и, конечно, не отказываться от своей русскости, от русского языка, при этом живя полноценной жизнью в своих странах, городах, в своих семьях, с людьми, которые, может быть, корнями своими к России никогда не имели прежде никакого отношения. Я не был услышан, не был понят. Мне всегда говорили: у нас всё есть, у нас всё хорошо, — подразумевая, что это у вас всё плохо, а у нас нет проблем. И потом, значительно позже, после кончины архиепископа Сергия (Коновалова), когда очень уважаемый, любимым мною архиепископом Гавриил (де Вильдер) взял слишком резкий курс только на Константинополь и исключительно на что-то нерусское — лишь бы не русское, которое слишком еще пахло советчиной (что, несомненно, можно понять), — когда он взял этот курс, я говорил о том, что хотя не нужно поддаваться на провокации, откуда бы они ни шли, нужно сохранять свой талант, его нужно умножать. Именно свой талант, а не вообще все таланты, какие Бог дает в мире, потому что такой задачи не может понести никто! И это тоже не было услышано. Это отталкивание от русского, которое почему-то в некоем провинциалистском духе стали очень легко отождествлять с советским, будь то церковное или светское, конечно, было очень горько, очень неприятно видеть в последние годы. И с этим согласиться было абсолютно нельзя.

Я понимаю, что теперь уже не повернуть назад. В Экзархате на это просто нет сил. Есть несколько замечательных людей, но построить свою жизнь по-иному, чем она построена к сегодняшнему дню, им, видимо, уже невозможно. Да, жаль, очень жаль не просто русского наследия, не просто очередного поражения русского народа и Русской церкви в этом деле, — жаль, что великое дело, великое откровение Божье не может теперь приносить достойный и многий плод! Но Бог милостив, у меня все-таки надежда есть. Я верю, что не одним, так другим путем Господь выведет Церковь Свою, и в том числе Русскую церковь, и страну нашу из этого тупика, и мы действительно придем к церковному возрождению, которое столь необходимо для всех нас, живущих как в России, так и на Западе — в Париже, или в Брюсселе, или в Америке, или еще где-то в ином месте.

«Не спешите делать скоропалительные выводы и именовать»

Интервью с митрополитом Рязанским и Михайловским Павлом

Начало на с. 1

Преподобный Севастиан Карагандинский

Да и не могло быть иначе, ведь даже чисто юридически без «двадцатки» нельзя было организовать приход, открыть храм. Обязательна должна быть община. Надо сказать, что к нему тянулись люди точно так же, как к Христу Спасителю. Люди тянулись к старцу, чувствуя его молитвенную помощь, отеческую ласку, заботу и сострадание. Как во времена жизни на земле Христа Спасителя, кто-то приходил, чтобы послушать Его наставления, прислушивался к Его голосу, к Его проповеди, а кто-то ходил за Ним, как говорил Господь, «потому что ел хлеб и насытился». Так что нет ничего нового под солнцем – так было, есть и будет до скончания века: кто-то будет приходить в храм, чтобы услышать голос Божий, кто-то для того, чтобы утолить жажду духовную, кто-то для того, чтобы принести свою печаль и скорбь и испросить помощи Божьей в несении этой скорби, креста своего. А кто-то придёт просто ради любопытства, для того, чтобы поесть и попить. И при старце Севастиане разное бывало. Близкие ему люди трудились, пели на клиросе, помогали батюшке. Но были и проблемы, ссоры, зависть... Впрочем, как и везде и во все времена. То же самое было и при Спасителе во время Его земной жизни.

Из Ваших интервью нам стало известно, что Вы из семьи репрессированных. Ваше Высокопреосвященство, как Вы считаете, что нужно делать нам, живущим сейчас, чтобы память о невинно пострадавших людях сохранилась в следующих поколениях? Что из опыта новомучеников важно сохранить в нашей сегодняшней жизни?

Я хочу обратить ваше внимание на начало Великой Отечественной войны. Прошли десятилетия после 1917 года, казалось бы, удобный момент – можно с советской властью расправиться. А как поступила Церковь, много пострадавшая в послереволюционные годы? Митрополит Сергей, епископы, священники обратились к своей пастве с призывом встать на защиту своей Родины – Отечество в опасности! Грянула беда. Более страшная, чем в 1920–1930-е годы, когда убивали тело человека. Всякое нашествие (будь то татаро-монгольские полчища, Смутное время, шведская армия,

Наполеона или фашисты) несло с собой и псевдорелигиозную культуру. Была попытка изменить генетический код народа, попытка обратить в свою веру и заставить отказаться от веры предков, веры своих отцов, веры Православной. Представьте, что было бы, если бы иноверцы захватили Русь святыню? Мы бы сейчас были протестантами или католиками. Если бы вообще были. А может быть, стали бы рабами и изгоями на своей земле. Всё это могло случиться, если бы весь наш народ не поднялся, чтобы противостоять врагу, грозящему не только тело убить, но и душу погубить. Поэтому Русская Православная Церковь в лице епископов и священников приняла решение – встать на защиту Отечества, и это решение поддержали все верующие люди.

Память о новомучениках должна сохраняться в народе. Нам следует делать правильные выводы из уроков истории. Помню, когда в 2001 году я возглавлял официальную делегацию нашей Церкви в Болгарию, на Шипке, местные жители во время одной встречи обвиняли Россию и русских людей за все беды, которые постигли болгар. «Это русский народ виноват в том, что на болгарской земле распространился атеизм, коммунизм и его последствия – разруха во всем», – говорили они. Я тогда предложил им поразмыслить и сравнить: кто больше пострадал от коммунизма и атеизма? Русские понесли более тяжёлое наказание, чем вся Европа вместе взятая. А мы сегодня вместо того, чтобы найти правильное решение проблемы, пытаемся враждовать между собой, сваливая всю вину на русских людей. Не русские люди виноваты, а скорее виновата атеистическая марксистско-ленинская идеология, принёсшая человечеству беду, смерть и разрушения.

В Нюрнберге осудили фашизм, а атеизм и коммунизм ведь до сих пор не осуждены. Надо видеть корень зла – он в атеистической и коммунистической идеологии. Антихрист до сих пор лежит в мавзолее на Красной площади, в сердце России. Мы вспоминали сегодня татаро-монголов, шведов, наполеоновское нашествие, войну с фашистской Германией, но лидеры этих стран и народов вели захватнические войны на чужой территории, в интересах своих стран и своего народа. А что сделал Ленин? Он воевал против своего народа. Вернее, этот народ был ему совершенно чужд, поэтому он с такой жестокостью расправлялся с людьми. И эта богоборческая, человеконенавистническая идеология до сих пор не осуждена. Мы и сегодня не отказались от страшного наследия безбожного атеизма.

Отвечая на ваш вопрос, скажу, что мы должны сделать всё возможное, чтобы сохранить память о новомучениках, о людях, которые перенесли жесточайшие страдания и испытания и явили всему миру пример стойкости в вере во Христа и Спасителя нашего.

Ваше Высокопреосвященство, 7 мая 2013 года исполнится 10 лет со дня назначения Вас на Рязанскую кафедру. Не могли бы Вы припомнить самые памятные моменты Вашего служения в Рязани за эти 10 лет?

Все моменты жизни значимы для каждого из нас. Нет ничего такого, что повторилось бы. Каждый раз, когда я прихожу на службу в Рождество Христово или на Пасху, испытываю внутренний трепет, как будто впервые переживаю Рождество Христово или Его Воскресение. Сколько раз я встречал эти праздники, и не было для меня ни одного одинакового или повторяющегося. Каждый год я ощущаю эти праздники по-новому, потому, наверное, и живу я в Церкви, а Церковь живёт во мне.

Можно говорить о многом, что произошло на Рязанской земле и оставило во мне неизгладимый след. Должен сказать, что Промысел Божий особо действует на нашей Рязанской земле и в нашем верующем народе. Иногда планируешь сделать что-

то, а Господь корректирует по-Своему. И если не противиться воле Божией, а исполняешь то, что Господь определяет, – всё промыслительно и чудно получается. Только мы не всегда умеем замечать, что происходит с нами, не умеем делать анализ происходящего с нами и вокруг нас.

Я часто рассказываю свои первые впечатления от пребывания на рязанской земле. Особенно памятно первое посещение Касимовского благочиния. Это было 9–11 сентября 2003 года. Из Рязани мы выехали – было очень тепло. В ночь на 10 сентября резко похолодало. Рано утром, около 7 часов, мы поехали по приходам. На улице темно, холодно, дождь моросит, ветер промозглый. Подъехали к полуразрушенному храму, а там собрались десять-пятнадцать женщин, они только что подоили коров и пришли познаться со своим епископом. Минут десять-пятнадцать пообщались и поехали на второй приход, а когда добрались до третьего, передают мне сверток, в нём меховые бурки с запиской: «Только бы владыка наш не заболел». Представьте, в темноте люди заметили, что я в лёгких туфлях, и прислали бурочки. Вечером возвращаюсь в гостиницу, на столе – свёрток, в нём – меховая безрукавка и опять записка: «Владыке Павлу. Только бы владыка наш не заболел». Я был потрясён таким отношением: люди, которые сами жили небогато, готовы всё лучшее отдать своему пастырю. Вспоминаю в связи с этим случаем и старца Севастиана, и других исповедников: так устроен человек на Руси – будет терпеть нужду, но пастыря своего в обиду не даст и никогда голодным не оставит. Видимо, поэтому существует такая поговорка – «Ни один поп с голоду не умер» – тот самый «поп», который и есть настоящий «пастырь овец православных».

Памятно посещение Шиловского благочиния. Это было глубокой осенью. Люди на холоде стояли, чтобы увидеть своего епископа. Глава района изумлённо заметил, что он и представить себе не мог, будучи уже не один десяток лет в этой должности, что так сильна в народе духовная сторона жизни, – вот главное богатство православных людей – вера в Бога и христианское благочестие.

Много было попыток у иноземных захватчиков изменить, извратить нашу духовную составляющую – не удалось. Благодаря силе духа, стойкости и терпению нашего народа, долготерпению Божественному мы сегодня живём в такой стране, где можно достойно жить и свободно исповедовать веру в Бога. Каждому поколению выпадает испытание веры и стойкости духа. Предыдущие поколения пережили труднейшие испытания – гонения, ссылки, лагеря, мучения и смерть. Наше поколение Господь испытывает свободой. Сумеем ли мы правильно воспользоваться полной свободой? Не сорвём ли мы свои головы полной свободой и вседозволенностью? Сумеем ли мы выбрать правильный и спасительный путь, ведущий не в погибель, а во спасение своей души и во славу Божию? Очень важно для нашего поколения выдержать это не менее трудное испытание – свободой.

Сможем ли мы эту свободу применить, чтобы стать духовно выше, духовно совершенней, или мы попадём в кабалу к врагу-искусителю? Сегодня искушений много. Враг рода человеческого диавол предлагает свободу, которая раскрепощает страсти и пороки, свободу ко греху и гибели души и телу.

Церковь призывает к свободе от греха, которая искореняет страсти и пороки; к свободе в чистоте и святости, ведущей к жизни вечной и блаженной в Царствии Небесном. Свобода, которую проповедует Церковь и Евангелие, не в том, чтобы действовать по велению страстей и прихоти своего желудка, а в том, чтобы свободно идти по пути совершенства, по пути к Богу. Если сможем сохранить верность этому пути – у нас будет будущее, если скатимся на уровень своих стра-

тей – будет печаль и беда. Это испытание свободой мы сможем выдержать, если будет у нас твёрдая вера в Бога. Мы и здесь, на земле, можем жить нормально и достойно, да ещё сподобимся войти в Царство Божие.

Вспоминаю своё пребывание в Печорах, где я был наместником Успенского Псково-Печёрского монастыря. В 1990-е годы была мода выдвигать священнослужителей в народные депутаты. И вот однажды приходят ко мне две молодые женщины, начинают агитировать, чтобы я выдвинул свою кандидатуру: «Вы – известный человек, все знают этот монастырь, здесь такой порядок, он в таком чудесном состоянии – Вас обязательно выберут». Тогда я спрашиваю: «Ну, хорошо, а если меня выберут, чем я буду заниматься? Могу дать согласие, если я буду председателем горисполкома или райисполкома» (*улыбаясь*). «Нет, – говорят они, этого мы Вам обещать не можем» – «Тогда и я не смогу выдвинуть свою кандидатуру, – говорю им. – Вот вам нравится чистота и порядок в монастыре, может, вы думаете, что наши монахи с метлами выйдут мести улицы города?»

Постепенно разговор перешёл на другие темы, мои гости огляделись: апартаменты наместника монастыря в те годы были похожи на настоящий музей. Замечательные иконы, картины, вазы янтарные. И вот одна из женщин поворачивается ко мне и спрашивает: «Отец наместник, а Вы правда в Бога верите? Ведь у Вас всё здесь для жизни есть: и машины, и кабинет-музей, и послушники...» – «А мне этого мало, – отвечаю, – я хочу еще попасть в Царство Божие». Тут одна к другой поворачивается и, как будто меня нет, говорит своей спутнице: «Вот нахал! Все имеет, а ему еще и Царство Небесное подавай».

Так и не поняли они, почему верующие люди одинаково спокойно, благодарно и радостно переживают и недостатки, и изобилие (как сказала мне одна 90-летняя прихожанка: «Нет у меня шикарного особняка, машины, дачи... и не надо – Господь в Царствии Небесном мне все воздаст»). И почему уже здесь, на земле, неверующие по этому же поводу испытывают адское страдание... Хочется иметь всё для разгульной и вольготной жизни, а нет этого. Хочется властью поесть и попить, а нет этого. Жизнь-то проходит, а долгожданный и обещанный коммунизм не наступает. Деды и отцы наши умерли, не дождавшись коммунизма, да и наш черёд наступает. А нас всё кормят обещаниями и кормят. И получается – здесь, на земле, ничего атеист не получил, да и в загробном мире его никто не ждёт. И уже здесь, на земле, неверующие люди начинают испытывать адское мучение за пустую прожитую жизнь.

Думаю, что уместно вспомнить мудрые слова святых отцов, которые говорят: «Богат не тот, кто много имеет, а тот, кто ни в чём не нуждается». Неверующие люди – это несчастные люди. Они, не имея твёрдого основания веры, как флюгер, вертятся на ветру вместе с линией партии. А у верующего человека всегда есть твёрдое основание – вера в Бога. Она, сочетаясь с внутренней свободой от страстей и греха, делает человека полноценным жителем земли, устойчивым во всех жизненных обстоятельствах и даёт надежду на бесконечную блаженную жизнь со Христом в Царствии Его Небесном. Представляете, какая перспектива открывается перед верующим человеком? Верь, человек, тебя ожидает жизнь вечная! А что у неверующего? Верь, человек, тебя ожидает смерть вечная!

Вернёмся к вопросу об увековечении памяти новомучеников. Эти уроки должны быть нами усвоены. Совсем недавно мы издали книгу «Для меня жизнь – Христос, и смерть – приобретение. Новомученики и исповедники

людей сектантами или раскольниками...»

Рязанские. XX век». И я хочу подарить вам этот Патерик, который вышел, к сожалению, очень небольшим тиражом. А также ещё несколько брошюр на эту тему.

Благодарим, Ваше Высокопреосвященство. Мы как раз не смогли приобрести эту книгу, хотя много слышали о ней. Мы читали предыдущее издание 2002 года о репрессированных за веру священнослужителях и мирянах Рязанской епархии под названием «Были верны до смерти... Книга памяти новомучеников и исповедников Рязанских XX века».

Да, когда читаешь эти книги, диву даешься, как они всё это переносили и перенесли. Это нам и пример, и наставление, и утешение.

Известно, что Вы проявляете заботу о духовном образовании священства Рязанской митрополии. Нам, студентам СФИ, очень важна тема образования мирян. Как Вы считаете, каким оно должно быть?

Вспоминаю, как один лектор, завершая свою двухчасовую лекцию на тему о воспитании детей, ответил на вопрос из зала: «С какого возраста надо начинать воспитывать ребёнка?» «А какой возраст вашего?» – спросил профессор. «Три месяца», – сказала мама. «Вы уже опоздали», – ответил лектор. – Вначале надо воспитать родителей, чтобы потом они могли правильно воспитывать детей». И в самом деле, мать, когда вынашивает младенца, должна уже в утробе своей воспитывать его, общаться и разговаривать с ним, потому что он уже живой. У него уже живая душа. Он всё слышит и понимает, только сказать пока ничего не может.

Невозможно переоценить роль женщины-матери в воспитании детей, хотя идея эмансипации многое извратила в жизни нашего современного общества. Богом заповедано, чтобы родители рожали и воспитывали своих детей. К сожалению, революция в своём разрушительном действии и в постсоветский период имеет тяжкие последствия для душ человеческих. Часто родители ничего не знают о вере, дети больше их знают. Иногда слышишь, что ребёнок после посещения воскресной школы, приходя домой, задаёт родителям вопросы: «А почему вы сели за

стол, не помолвившись? Давайте молиться! А почему вы в храм не ходите?» Это нонсенс! Нормальное явление, когда родители воспитывают детей, а не наоборот. Сегодня в нашей жизни многое поставлено «с ног на голову». Чтобы восстановить Богом установленные нормы жизни человека на земле, необходимо воспитать молодых людей и дать им соответствующие знания о смысле жизни человека.

Конечно, каждый человек должен получить достойное образование. Мы сегодня стараемся уделять внимание образовательной системе. В то же время мы стремимся, давая детям знания, помочь им найти в себе образ Божий. Ведь в каждом человеке есть образ Божий, и дети должны научиться видеть его в окружающих. Тогда и жизнь пойдёт по-другому. Я задавал детям вопрос: «Вот если бы вы шли по улице и увидели Христа, что бы вы сделали?» «Мы бы подошли под благословение, пригласили бы домой, угостили бы вкусными яствами, предложили бы у нас пожить...» – отвечали дети. Вот так мы и должны относиться к другим людям. Конечно, мы не можем всех принять и приютить у себя дома. Но вполне можем проявить милость сердца, не пройти мимо нуждающегося в нашей помощи, а хотя бы воздохнуть мысленно о нём: «Господи, помоги этому несчастному!»

Завершая встречу, митрополит Рязанский и Михайловский Павел сказал:

А вот и у меня о вас вопрос есть. Его задала в последней передаче «Встречи с владыкой Павлом» на ТВ канале «Эхо» Клавдия, 79 лет. Она спросила про «секту кочетковцев»: «Не произошёл ли в Архангельской епархии раскол?»

Хорошо, что вы пришли к нам в Епархиальное управление и мы имеем возможность пообщаться. Пользуясь такой возможностью, скажу всем, кто будет читать наше интервью: «Не спешите делать скоропалительные выводы и именовать людей сектантами или раскольниками. Это дело Церкви. Если Церковь, изучив ситуацию, вынесет свой вердикт, тогда можно с уверенностью говорить, что эти или те люди – раскольники или сектанты».

Меня спрашивают: «А почему они себя так ведут? Они обособляются от других. Почему они ни с кем дружим не хотят общаться, только между собой?»

Я отвечаю, что сегодня они как малые

дети. Научатся общаться между собой, а потом и с нами, и со всеми будут общаться. Не судите, да не судимы будете.

«А почему они по книжечкам читают? Приходят в храм с книжками и стоят на службе, постоянно следя за текстом?»

Я неоднократно разъяснял людям, что это тоже неплохо. У меня была такая практика и в Нью-Йорке, и в Вене, и в Будапеште. Да и здесь, в кафедральном Христорождественском соборе, мы тоже вводили практику и распространяли среди прихожан брошюры с текстом Всенощного бдения и Божественной литургии. Но со временем эта практика забылась или просто кончились брошюры, а из дома их лень было каждый раз принести. Я говорил ключарям, что надо ещё раз напечатать книги с текстом Божественной литургии и Всенощного бдения. Эти книжки должны лежать при входе, у свечного ящика – их нужно раздавать всем. Пусть люди приходят, стоят и читают. И те, кто плохо слышит, и те, у кого рассеивается внимание. Ну и что? Ничего тут зазорного нет. У нас в Псково-Печёрском монастыре во время службы отец Иоанн (Крестьянкин), который плохо слышал в последние годы своей жизни, держал на аналое книги, стоял и читал. А что делать, если отец читает, а он не слышит, но хочет знать, о чём поётся и читается во время службы? Всё время стоял и читал. Это хороший пример, который, мне думается, можно смело практиковать.

А вам, кто является духовными чадами отца Георгия, хочу сказать, чтобы вы не обижались, когда вас называют «кочетковцами». Вам надо учитывать, что в православных храмах существуют многолетние традиции. И если вновь приходящие люди ведут себя несколько иначе, то это может вызывать недоумение или даже соблазн в сердцах тех, кто является местным прихожанином. Поэтому советуем не выделяться из общего контекста или постараться объяснить вопрошающим, почему вы поступаете так, а не иначе.

Я был бы рад как-нибудь встретиться со всеми вами и побеседовать. Давайте соберёмся, найдём время, поговорим. Я не боюсь и не стесняюсь такой встречи. Много хорошего есть и у вашей общины, это хорошее надо перенимать, а то, что некоторых искушает и соблазняет, тоже следует иметь в виду. Нужно всё делать корректно, чтобы не быть соблазном для других. Хотите вас и в вашем лице всем, кто почитает отца Георгия Кочет-

кова, пожелать мудрости. Важно, чтобы даже внешне это не было вызывающим поведением.

Мы знаем, что и из камней Господь может создать чад Авраама. И у отца Севастиана Карагандинского были свои духовные чада (вы спрашивали об этом вначале), приближённые к нему люди. А ведь были рядом и такие... что ой-ой-ой! Их, можно сказать, палкой надо было гнать из общины, но отец Севастиан терпел их, молился о них, надеялся, что они изменятся. Кто-то действительно преобразился, изменялся, кого-то он приводил к покаянию, к настоящей вере. А ведь были среди них самые разные люди, вроде бы все верили и на вопрос: «кто ты такой?» – отвечали: «А я чадо батюшки отца Севастиана». Важно, чтобы не было заносчивого, высокомерного отношения к тем, кто не является вашим единомышленником.

Ещё раз желаю вам и в вашем лице всем, кто почитает отца Георгия, мудрости. Я специально, вы обратили внимание, не делаю никакого разделения между прихожанами. Я не говорю, что этих людей надо выгонять. Зачем? Моя задача не выгонять людей, а всех вести к Богу через Церковь Христову. Поэтому я никого не выгоняю, но всех призываю к мудрости.

Благодарим Вас, владыка. Мы иногда организуем выставки, другие мероприятия, на которые приглашаем всех людей из храма, всех жителей города. Мы не стараемся быть закрытыми...

И правильно, и не надо закрываться. Вот то, что у вас есть возможность собираться вместе, – это очень здорово. У нас, к сожалению, пока нет такой возможности. Нам нужен Духовный центр, где мы могли бы вместе с духовенством и верующими собираться после службы и общаться, обсуждая самые разные темы. Я знаю, как это делается, и готов организовать такие встречи, но для этого нам нужны помещения. Сейчас их у нас, к сожалению, нет. Мы так делали и в Нью-Йорке, и в Вене, и в Будапеште, и в других городах.

Будем надеяться, что и в Рязани у нас будет Духовный центр. Надо молиться, трудиться и немного потерпеть, а Господь поможет нам всё устроить.

Над интервью работали: Олег Бирмилеев, Елена Звягинцева

«Елена»

или почему мы не отвечаем «Русской народной линии» и «Благодатному огню»

Палладий, придя однажды к преподобному, смущаемый помыслами и унынием (как он сам впоследствии о том сообщал), спросил: «Что мне делать, авва Макарий, ибо меня осаждают помысления, говорящая: ты ничего здесь не делаешь – уходи отсюда!»

Святой отец Макарий отвечал ему: «Скажи и ты своим помыслениям: я стерегу сии стены ради Христа».

(Из жития преподобного отца нашего Макария Александрийского. По житиям Димитрия Ростовского)

В последнее время в нашу редакцию стали приходить письма обеспокоенных прихожан Новодевичьего монастыря, оскорблённых публикациями журнала «Благодатный огонь». Наше нежелание публиковать эти искренние, полные понятной горечи письма может показаться странным, если мы не объясним во всеуслышание, почему мы поступаем так, а не иначе. Из стремления объяснить позицию редакции и появилась эта небольшая редакторская заметка, в которой я надеюсь поставить точки над i.

С одной стороны, нашей неизменной позицией остаётся стремление поддерживать дискуссию. В наше время, когда в церкви существует множество различных позиций по острым вопросам церковной жизни, выяснение этих позиций жизненно необходимо. Именно

поэтому мы стремимся публиковать в нашей газете интервью с разными людьми, объединёнными лишь одним: ответственностью и неравнодушием. Искреннее разномыслие, стремление выяснить в разговоре друг с другом, что думает каждый из собеседников, каковы его аргументы – несомненное благо, и такой разговор, на наш взгляд, всегда необходимо поддерживать. К сожалению, публикации, появляющиеся на страницах таких изданий, как «РНЛ» и «БО», невозможно отнести к дискуссионным. И об этом говорит не только их содержание.

Прежде всего, важно помнить, что оба издания, о которых мы говорим, не являются церковными. Скорее их можно назвать околоцерковно-политическими. Главной подоплекой публикаций, даже затрагивающих церковные темы, остаётся политическая (прежде всего консервативно-националистическая) тематика. Поэтому даже те священнослужители, которые публикуются на страницах упомянутых изданий, поневоле ставят свои выступления в этот, вполне определённый, контекст.

Второе, о чем нельзя забывать, – это то, что оба издания в течение многих лет ведут настоящую информационную войну с Преображенским братством. Достаточно вспомнить, что один из ведущих

сотрудников БО Николай Каверин¹ является автором-составителем целого ряда брошюр, призванных опорочить доброе имя священника Георгия Кочеткова (так же как и имена многих других пастырей и даже иерархов).

И, наконец, третье: «критические» статьи, появляющиеся на этих ресурсах, направлены только лишь на уничтожение. Именно поэтому обвинения так откровенно недостоверны, ассоциации столь нездоровы², а оскорбления откровенно напоминают «наскакивания» пытающихся затеять склоку подростков на танцплощадке: их главная цель одна – «пустить вас не будет». С таким посылом невозможно вступать в спор. Можно лишь, следуя совету отцов, ответить: я не оставлю ни своё призвание, ни своё служение. Я останусь стоять ради Господа нашего Иисуса Христа.

Именно к такому трезвенному отношению мы и призываем всех наших читателей.

Александра Колымагина

¹ По стилю и тону можно предположить, что последним псевдонимом именно этого человека является «Елена, прихожанка Новодевичьего».

² Достаточно вспомнить, как в одной из публикаций «Благодатного огня» крещальные рубахи новокрещёных вызвали у автора воспоминания о «Белом братстве».

К слову: суд признал ложными нападки и обвинения в адрес Свято-Филаретовского института со стороны бывшего руководства ТСЖ «Покровка 29»

В последние несколько лет в Интернете распространялись ложные сведения об СФИ. Автором сообщений клеветнического содержания выступало бывшее руководство ТСЖ «Покровка 29», желавшее всеми правдами и неправдами завладеть помещениями, которые занимает институт. Масштабы лжи были таковы, что в 2012 году руководство СФИ и его учредитель РОО «Сретение» были вынуждены обратиться в суд с иском о защите деловой репутации. 12 декабря иск был удовлетворён. «Сведения», которые распространяло бывшее руководство ТСЖ «Покровка 29» об СФИ, отчасти созданные воспаленной фантазией, а отчасти цитировавшие такие источники, как сайт «Антимодернизм.ру», лишенный церковного благословения журнал «Благодатный огонь» или возглавляемый А.Л. Дворкиным РАЦИРС, были признаны ложными. Суд обязал ТСЖ возместить ущерб, нанесенный деловой репутации СФИ и РОО «Сретение», и опровергнуть многочисленные высказывания об «угрозах в адрес проживающих в доме граждан», «тоталитарно-криминальной секте, терроризировавшей проживающих в московском доме на Покровке, 29 российских и иностранных граждан», и им подобные.

Из сообщения информационной служба СФИ

«Пускай меня простит Винсент Ван-Гог За то, что я помочь ему не мог...»

30 марта исполнилось 160 лет со дня рождения французского художника голландского происхождения Винсента Ван Гога; 1 апреля – 204 года со дня рождения русского писателя украинского происхождения Николая Васильевича Гоголя.

Гоголь и Ван Гог... Казалось бы, что может объединить столь различных

людей, кроме забавной звуковой переключки их главных, всемирно известных имён, даты рождения на гребне зимне-весеннего перелома и темы сумасшествия, истинного или мнимого, окрасившей последние годы их жизни. Однако в рецензии на фильм «Ван Гог: Портрет, написанный словами» я с удивлением прочтала: «В начале твор-

ческого пути с Ван Гогом творилось примерно то же, что происходило с Гоголем на печальном закате его лет – он ударился в неистовую религиозность, в поучения, наставления. Только, даже несмотря на свои помутнения, Ван Гог нашёл в себе силы противиться этому болезненному религиозному фанатизму, а Гоголь – нет». Вот и оказались

два великих художника в пространстве интересующего нас диалога христианства и культуры. Попробуем развеять некоторые мифы...

Ведущая рубрики Юлия Балакшина

Н.В. Гоголь. Портрет А.А. Иванова, 1841 г.

Мнение о том, что Гоголь-мыслитель, Гоголь-религиозный проповедник уничтожил Гоголя-художника, укоренилось в сознании некоторой части русского общества после выхода в свет его книги «Выбранные места из переписки с друзьями» и было узаконено В.Г. Белинским, который писал: «...Мы вывели из этой книги такое следствие, что горе человеку, которого сама природа создала художником, горе ему, если, недовольный своею дорогою, он ринется в чуждый ему путь! На этом новом пути ожидает его неминуемое падение...»¹ Редкие попытки снять это противоречие предпринимались критиками и мыслителями в XIX веке. Так, архим. Фёдор (Бухарев) увидел в «Переписке с друзьями» «последний, самый естественный плод или последнее звено», до которого дошло «стройное поэтическое и духовное развитие» Гоголя. Н.П. Аксаков, канонист, богослов, автор известного сочинения «Духа не угашайте», полагал, что мы не имеем права «раздвоить человека, вопреки всем его верованиям, что он был и оставался самим собою»². Перелом в оценке личности и творчества Гоголя произошёл на рубеже XIX–XX веков, когда деятели культуры, в поисках её религиозных корней, как бы заново открыли для себя Гоголя как человека, который «не только теоретически, но и всей своей личностью, мучился над темой соотношения Церкви и культуры»³.

Однако вопрос о «двух Гоголях» и по сей день не утратил своей остроты. Исследователи творчества Гоголя стремятся или совсем снять противоречие между религиозным опытом и художественным творчеством, символическим знаком несоединимости которых стала для русского общества художническая судьба Гоголя, или окончательно утвердить его. Одной из страниц в этом полтора столетия для-

О мнимом противоречии

щемся споре стали Тринадцатые Гоголевские чтения, проходившие в Москве в Доме Гоголя на Никитском бульваре 30 марта – 1 апреля 2013 года.

Если предельно схематично описать точки зрения спорящих сторон, то можно сказать, что одна из них отдаёт безусловный приоритет Гоголю-христианину и даже Гоголю-монаху. С этой точки зрения всяческого оправдания и одобрения заслуживает, например, о. Матфей Константиновский (кстати, ныне предложенный к канонизации в Тверской епархии), который, может быть, и поселил в душу Гоголя мучительные сомнения в религиозной оправданности художественного творчества, зато «помог ему умереть христианином». И сжигание Гоголем своих сочинений перед смертью может быть рассмотрено как особый духовный акт мистического молчания, высшая ступень лестницы духовного восхождения, «явление русского исихазма». С этой точки зрения весь историко-культурный контекст жизни Гоголя оказывается чем-то избыточным, ненужным: чтобы понять истинного Гоголя, «литературоведу пора перестать копошиться в окопах “малого времени” и освободить от них писателя».

Полярная точка зрения предполагает, что первичен Гоголь-художник, и его религиозные искания должны быть оценены, исходя из меры воплощения его писательского таланта. В худшем случае речь опять идёт о том, что, встав на путь веры, Гоголь потерял свой талант. В более смягчённом варианте эта позиция предполагает, что христианство стало одной из «ценных монет», попавших в художественную копилку писателя, одним из возможных «культурных кодов» прочтения его личности. С этой точки зрения Гоголь-художник шире и богаче Гоголя-христианина, он синтезирует в себе аполлоническое и дионисийское начала, гармонию и хаос, православие и католичество и многое-многое другое, что под силу вместить только художественному гению, и даже Бога этот Гоголь-художник познаёт совершенно особым образом, повторяя в акте творчества акт Божественного творения.

Мне довелось на этой конференции представлять третью точку зрения, принадлежащую Николаю Петровичу Аксакову, родоначальнику нового экзегетического сознания в Русской православной церкви, выступившему в 1886 году с рядом критических этюдов о Гоголе. В этих статьях Аксаков пытался снять мнимое, с его точки зрения, противоречие между Гоголем-художником и Гоголем-мыслителем, описать сложное

взаимодействие между культурой и церковью, обратившись к природе гоголевского смеха. Комическое начало, как главная художественная краска гоголевского таланта, по мнению Аксакова, безусловно имело религиозный смысл.

Христианская оправданность смеха связана как минимум с тремя условиями его существования: наличием перед внутренним взором смеющегося Божественной нормы, направленностью смеха на освобождение от зла и способностью в любой момент стать самоосмеянием⁴. Если о первом условии Аксаков говорит прикровенно, указывая, что задача комика не просто играть с некой относительной нормой, но «охранять цельность <...> идеала, очищать и разрабатывать этот идеал»⁵ (с. 139), то на двух других условиях он останавливается достаточно подробно. Так, он (с позиции христианской антропологии) утверждает, что прямая борьба со злом не под силу комизму – победа над злом и смертью возможна только силой Божественной любви. Задача смеха скромнее – «сбрасывать маски, разрушать личины, рассеивать скрывающий зло туман», «делать зло обнаруженным и очевидным» (с. 141), причём как вне субъекта смеха, так и в нём самом. Поэтому «не испорченных только исправляет комизм, бичуя их очищающим смехом, но прежде всего и добрых очищает от зла, так как зло коренится всюду, хотя бы и в бесконечно различных и разнообразных степенях» (с. 142). Анализируя природу смеха, Аксаков описывает его как «торжество победителя» при выбрасывании чего-либо за борт нашего сознания... «Это не мы», – внутренне говорим мы всякий раз, как смеёмся...» (с. 139). Смеясь над собой, человек что-то стряхивает и устраняет из сознания, что-то отчуждает от самого себя. Вопрос заключается в том, что именно человек стряхивает, от чего он освобождается. Человеческому обществу известен грязный, циничный смех, освобождающий человека от благоговения и стыда, и смех, освобождающий от зла, страха, различных форм внешней и внутренней несвободы. По определению В.С. Аверинцева, это «смех святого над Миром, Плотию и Адом, смех чести над бесчестьем и внутренней собранности над хаосом; смех человека над безобразием, на которое он вполне способен»⁶. По мнению Аксакова, смех Гоголя, безусловно, принадлежит к смеху второго типа: «...Он выводит нас из того ужасного положения, которое характеризует Гоголя как неспособность в добре видеть добро и зло почитать злом и через трагизм такого обличения пробуждает нас к нравственному

перевороту, склоняет к подъёму нравственных сил» (с. 142).

В традиции христианства, в первую очередь русского православия, неоднократно высказывались сомнения в возможности религиозного оправдания смеха. Очерки Н.П. Аксакова отнюдь не игнорируют эту традицию, учитывая большинство из высказываемых в адрес смеха опасений. Он понимает, что смех «есть только чисто физиологический рефлекс» и, следовательно, предполагает безличность и несвободу; он знает, что смехом легко манипулировать, «дешево возбуждая смех толпы» (с. 139); он видит различные источники смеха («через них отстаивается и сохраняется то грязное, что и благородное» (с. 140)) и догадывается о возможности их смешения и подмены. Аксаков осознаёт смех как «могучую стихию», легко принимающую ложное направление, и тем не менее доверяет ему. Объяснение этого можно искать как в личных качествах Н.П. Аксакова, оставшегося в памяти его друзей человеком с прекрасным чувством юмора, так и в более общих и принципиальных вещах, обусловленных христологичностью зарождающегося религиозного самосознания. Христос, став человеком, исцелил падшую человеческую природу и, следовательно, даровал нам возможность не уходить от мира, а преображать его, в том числе используя даже смех «как оружие для достижения этих целей» (с. 140).

Юлия Балакшина

1 Белинский В.Г. Из статьи «Выбранные места из переписки с друзьями Николая Гоголя». СПб. 1847 // Последняя книга Гоголя. Сборник статей и материалов. – М.: Русский путь, 2010. С. 142.

2 Аксаков Н.П. Н.В. Гоголь, гл. I – III // Эпоха. Ежемесячный литературный журнал. 1886. № 5. Май. С. 132.

3 Зеньковский Василий, прот. История русской философии. Т. 1. Paris: YMCA-Press, 1989. С. 182.

4 Ср. «Достоевский и Бодлер говорили, что мир погибнет не по причине войны, но от скуки – невыносимой, необычайной скуки, когда из зевоты, огромной как мир, выйдет дьявол. Достоевский внимательно изучил это стремительно распространяющееся явление и нашел самый эффективный метод против всякого действия скверны: стоит только выявить его беспримесную сущность, как она тут же оказывается смешной, а все смешное, ставшее очевидным и явным, неминуемо убивает; сам дьявол не всегда ли немного смешон? <...>

Юмор, подобно смеху, обладает освобождающим действием, он освобождает от бремени социальных функций, от искушения держаться слишком серьезно, а также от чрезмерного страдания в духовной жизни. Открытая, детская веселость – типичная черта великих святых, они веселятся как дети Божии, а Божественная Премудрость находит себе отраду в этой игре (Притч. 8:31). – Евдокимов Павел. Этапы духовной жизни: От отцов-пустынников до наших дней. – М.: Свято-Филаретовская московская высшая православная христианская школа, 2003. – С. 85.

5 Здесь и далее статья Аксакова цитируется (с указанием страницы в круглых скобках после цитаты) по изданию: Аксаков Н.П. Н.В. Гоголь, гл. I – III // Эпоха. Ежемесячный литературный журнал. 1886. № 5. Май. С. 135.

6 Аверинцев В.С. Бахтин, смех, христианская культура // Аверинцев В.С. Связь времен. К.: Дух и Литера, 2005. С. 348.

В поисках выхода

От редакции: нам хотелось бы предложить читателям фрагмент размышлений священника Георгия Кочеткова, прозвучавших в Музее Ван Гога – большом четырехэтажном здании, где собрано более четверти всех полотен художника – больше десяти лет назад, когда группа паломников, проезжая Амстердам, зашла в музей.

В последних работах Ван Гога пространство раскалывается. У него уже два солнца, у него уже две земли, два поля, две дороги, даже три дороги. Конечно, здесь уже и кризис, здесь и раскол, и вся его шизофреническая видна, и в то же время его гениальное творчество, которое он только не может соединить воедино... У него нет того пути, который бы объединял. Он его рисует, но

Из разговора в Музее Ван Гога

этот путь не соединяет, а разделяет. И в этом вся его трагедия.

Он никогда не побеждал, всегда небо побеждало его, всегда и везде. Он этого и боялся, и к этому стремился одновременно. И в этом было его раздвоение. А здесь небо становится вообще мрачным, страшным. Единственная надежда уходит за облака. Перед нами знаменитая, одна из последних его вещей.

...Он свободный человек, потому что смог себя отразить очень дерзновенно и очень свободно. Так же как, скажем, Врубель. И эта внутренняя экспрессия, пусть даже с некоторым надломом – это очень живая жизнь. Он равен себе, как Рембрандт, как все гении. Гений равен себе, он может выражать на своеобразном

языке то, что ему Бог дал как талант. И потом это становится общечеловеческим явлением. Потому что у каждого человека есть свой талант. Талант этот обычно на 99 % зарыт в землю, как наши ушвенные, физические, духовные способности. А гении этот процент, как бы КПД жизни человека, на порядок увеличивают. Если мы используем потенциал всей своей жизни на один-два процента, то они минимум на десять-двадцать. И это слишком большая разница.

В искусстве всякая стилевая находка высоко ценится, но каждые десять-двадцать лет появляются новые стили. Однако даже их создатели порой становятся просто одной из страниц художественной истории человечества. А Ван

Ван Гог. Звёздная ночь, 1889 г.

Гог выходит из истории. Поэтому он и интересен особым образом. Поэтому нам стоило полдня терять на то, чтобы побыть в этом музее, хотя, конечно, дух у него не очень христианский, не очень православный, скажем так. Не в конфессиональном смысле слова, конечно. Дух у него просто другой. Мятающаяся душа, которая ищет свет, которая ищет выход, которая пытается максимально себя реализовать. И что он находит – вот это мы перед собой и видим.

Беспрецедентные гонения на Церковь в России в XX веке привели к появлению множества свидетелей – новомучеников и исповедников веры. Многие из них в ответ на террор стремились полнее и глубже устроить церковную жизнь на евангельских основах, избежать поверхностности и обрядоверия, распространение которых в дореволюционной России считали одной из причин разразившейся катастрофы. Появившиеся в первые годы после революции десятки православных братств создавались не только для защиты церковных стен, но и для

защиты самой церкви – жизни в ней по духу и смыслу Христова Евангелия. Этот бесценный опыт далеко не полностью усвоен сегодня, отчего в церкви в последние десятилетия часто возрождаются отнюдь не лучшие её традиции синодального периода, как будто в ней ничего не происходило в течение всего XX века.

Лишь небольшая часть новомучеников поимённо прославлена в лике святых в последние годы. Тем не менее это более полутора тысяч имён. При этом многие из мужественных свидетелей веры ещё не канонизированы, а их под-

виг зачастую известен лишь немногим исследователям их жизненного пути.

В настоящее время среди историков ведутся научные споры о том, можно или нельзя в вопросах канонизации опираться на материалы следственных дел, фальсификацию которых не всегда возможно выявить. Можно предположить, что именно в связи с этим дальнейшая канонизация новомучеников фактически прекращена. Обеспокоенные этой ситуацией исследователи утверждают, что на сегодняшний день «на прославлении новомучеников в России поставлен жирный крест, и надежды на то, что хоть

что-то изменится в ближайшее время, практически нет».

Нам показалось важным услышать в этот момент, что думают исследователи, обращающиеся в том числе и к проблемам наследия новомучеников. Сегодня наши собеседники – Елена Белякова, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН, доцент кафедры истории Церкви МГУ им. Ломоносова, и Михаил Шкаровский, церковный историк, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центрального государственного архива Санкт-Петербурга.

Е.В. Белякова

В плену следственных дел

Из православного церковного календаря на 2013 год исчезло 36 имён новомучеников и исповедников Российских. При этом никаких официальных решений о деканонизации этих святых опубликовано не было. Не внёс ясности и Архиерейский собор, проходивший в начале февраля в Москве.

Елена Владимировна, хотелось бы задать Вам вопрос, который меня очень

беспокоит. Вы знаете, что в этом году из церковного календаря исчезло 36 имён новомучеников, но какого-то внятного комментария об этом я нигде не видела...

Я тоже!

Можете ли Вы прокомментировать это событие?

Практически нет. Я знала, что это имело место, и у меня сначала даже возник вопрос: не ошибка ли это чисто техническая? Но мои коллеги говорят, что это не техническая ошибка и что о. Дамаскин (Орловский) говорил: это вполне осознанное действие, исправление предыдущих ошибок. Поэтому речь идёт именно о деканонизации. Хотя, конечно, это очень странно, потому что решение о канонизации принимал Архиерейский собор, соответственно, решение о деканонизации должен принимать тоже Архиерейский собор. Такого решения не было, так что о том, что за этим стоит, можно только гадать. Тем более что туда попали имена новомучеников, о которых специалисты говорят, что это очень известные и достойные люди. Поэтому у меня возникает очень много вопросов, в частности, что могло быть толчком для деканонизации?

Я слышала такую версию, что якобы о. Дамаскин получил доступ к полным следственным делам, и знакомство с ними дало основание для деканонизации.

Не знаю, тут могут быть только домыслы, потому что прямого заявления не было. Следственные дела, как утверждала комиссия, рассматриваются перед канонизацией. О требованиях комиссии, чтобы в следственных делах не было ничего порочащего этих людей, говорилось. В частности, если человек подписал обвинительное заключение или кого-то выдал, он не может быть канонизирован. Можно допустить, что сейчас начался пересмотр этих следственных дел. Но это мне кажется очень странным: историков к ним не допускают, а представить, что комиссия тогда не посмотрела, а сейчас посмотрела – это может говорить только о халтурной работе комиссии, что тоже было бы странно. Тем более что решает не один человек, насколько я понимаю, а целая комиссия представляет свои выводы Синоду. Как это могло быть – мне не понятно.

Мне кажется, что здесь мы сталкиваемся с очень болезненным вопросом о критериях канонизации. Общеизвестно, что следственные дела источник...

...недостовверный.

Проблемный, мягко говоря. Человек мог себя оговорить под пытками или следователь мог за него написать признательные показания. Подследственный мог вообще ничего не говорить, его можно было заставить расписаться под пустыми листами, а следователь писал всё что угодно. Какие тогда критерии и подходы должны быть к следственным делам как к источнику для канонизации?

Интервью с Еленой Беляковой

Мне кажется, с самого начала не совсем правильный был выбран путь канонизации. Людей сажали, расстреливали независимо от того, как они себя вели в тюрьмах. Кто вёл себя достойно, кто нет – кто вправе судить? Кто может этими судьями являться? Одно дело, если бы об этих людях существовало живое предание или были бы свидетели и почитание хотя бы на уровне народа, хотя это и не может быть абсолютным критерием. Мне кажется, с самого начала комиссия взяла на себя функцию, не свойственную православной традиции: определять, кто достоин и кто не достоин, и дальше предлагать только тех, кто достоин. Я знаю, что в Петербургской епархии давно предлагают канонизировать митр. Иосифа (Петровых), который там почитался всегда. А отказывают на том основании, что он поставил подпись под своим обвинительным заключением, хотя историки, которые видели следственное дело, говорят, что это скорее всего поддельная подпись. Поэтому говорить о том, что комиссия может выступать в роли крайней судьи, не совсем верно. Здесь нарушены вообще представления о святости.

Мне кажется, более разумно было бы не учреждать эти бесконечные праздники, когда каждый день на отпуске читается по 15 имён, а люди не знают этих имён и не могут знать. Мне много раз приходилось в епархиях спрашивать, что они знают о новомучениках. Никто ничего не знает! И запомнить, конечно, сразу такое количество новых святых нелегко даже людям с хорошей памятью. Поэтому, мне кажется, более разумно было бы установить праздник всем, кто прошёл через тюрьмы, заключения, то есть общее празднование всем новомученикам, как это и было определено на соборе 1917–1918 гг... И просто вести этот список, пополнять. Но определять, кто святой, кто не совсем святой, это, мне кажется, не дело людей всё-таки. Ведь представление о том, что все члены церкви святые, никогда из церкви не уходило.

Получается, что мы оказываемся в плену этих следственных дел, в плену НКВД. Он когда-то хотел опорочить человека. Известно, что и слухи распускали о предательстве, и сломить хотели человека. Получается, что если они человека сломали, действительно своего добились, то мы как бы тоже следуем за ними. Мне кажется, это неправильно.

Может быть, дело в том, что до сих пор не проведена граница между нашим советским прошлым и постперестроечным временем. Проблемы советского времени, о которых Вы сейчас говорили, – клевета, оболгание, очернение людей – сохраняются до сих пор, принимая всё более уродливые формы. Как Вы думаете, есть ли шанс на изменение этой ситуации?

Праведника всегда сопровождала клевета, в этом нет ничего нового, и не только в советское время. И в более ранние периоды можно привести немало случаев, когда на святых лгали, возводили клевету. В этом нет чего-то экстраординарного. Если вспомнить, тем более, что и о Христе ходили и слухи, и клевета, и в конце концов последовало Распятие. Поэтому для христиан эта ситуация должна рассматриваться как нормальная. Другое дело, когда сами христиане участвуют в клевете на других, в распространении каких-то слухов. Вот эта ситуация уже совершенно ненормальная. Поэтому здесь должно быть два подхода. Когда на самих христиан клеветуют, им заповедано радоваться. А когда они сами клеветуют, здесь надо уже думать, а христиане ли они, если они этим занимаются. Есть, в конце концов, прямой запрет Ветхого завета: «Не послушествуй на друга своего свидетельства на ближнего твоего» (Исх 20:16).

Сейчас создаётся особое пространство, где каждый может сказать какие-то очень неприятные вещи о любом – если не прямо клевету, то облить грязью. Это становится некоей нормой в интернет-общении. Очень часто в комментариях к отдельным статьям появляются слова, которые написаны с явным желанием просто оскорбить другого человека. И вот здесь, мне кажется, христиане должны совершенно однозначно считать, что когда такие оскорбления появляются, то люди, которые это пишут, не христиане.

Беседовала Наталия Игнатович

«Многие братчики держали себя стойко на допросах»

Интервью с Михаилом Шкаровским

23 марта в Санкт-Петербурге прошла конференция, на которой значительное внимание было уделено новомученикам, членам Александро-Невского православного братства. Инициаторами конференции «Фёдоровский собор – храм-памятник 300-летия династии Романовых», посвящённой 400-летию дома Романовых и 100-летию Фёдоровского собора в Петербурге, стали известный церковный историк Михаил Шкаровский и настоятель Фёдоровского собора протоиерей Александр Соколов. Мы попросили Михаила Шкаровского, чей доклад был более чем наполовину посвящён членам Александро-Невского братства, многие из которых мученически закончили свой земной путь, ответить на несколько вопросов.

М.В. Шкаровский

Есть ли среди членов Александро-Невского братства люди, достойные, на Ваш взгляд, канонизации?

Да, мне кажется, есть, потому что в братстве было около ста человек, и большинство из них было репрессировано, и очень многие держали себя стойко на допросах. Например, ближайший помощник и секретарь о. Льва Егорова Правдин. Я смотрел его два следственных дела – и 1932 года, и 1937-го. В Новгородской области он был арестован и там погиб. Так же как и Екатерина Арская и Кира Оболенская, по тому же делу он проходил. И он так же мужественно себя вёл и достоин

канонизации. И это не единственный пример. Таких человек десять мирян можно привести и даже священнослужителей из братских отцов, тех, кто погиб. Например, Вениамин (Эссен).

Слева на фотографии иеромонах Вениамин (Эссен)

Вы будете переиздавать книгу об Александро-Невском братстве?

Да, я думаю переиздавать и уже говорил с владыкой Назарием, заместником Александро-Невской лавры, но, вероятно, не в этом году, потому что сейчас очень много мероприятий и изданий, связанных с 300-летним юбилеем лавры. А где-нибудь поближе к столетнему юбилею Александро-Невского братства книга будет издана.

Будет ли там что-то новое по сравнению с первым изданием?

Да, естественно, все время появляются новые материалы, новые следственные дела.

Ваша книга заканчивается 1932 годом. Можно ли говорить, что на самом деле братство не закончило своё существование в 1932 году?

Конечно. Было продолжение в Средней Азии.

Беседовала Анастасия Наконечная

Искусство живёт там, где есть зрители

Начало на с. 1

Почему мы сейчас с таким удовольствием смотрим картины Анатолия Зверева? Потому что он настоящий всегда, даже когда что-то не получается, даже когда он был не в том состоянии, чтобы писать что-то такое, что можно назвать хорошей живописью и графикой. Но он гениальный человек, которому Господь дал гениальный талант, удивительное сердце и удивительный ум, проявлявший себя так, как он мог проявиться в то время в нашей стране. Его картины – всегда настоящие картины, даже когда они нам не нравятся. И вот у Ефросинии и картины, и особенно иконы, настоящие. И вы увидите это сочетание одного и другого. Это как бы несколько пластов жизни, несколько пластов опыта, а если хотите, несколько исторических пластов, заложенных в наш особый художественный генотип. И поэтому я думаю, что вы ещё не видели такого. Я, во всяком случае, аналогов просто не знаю. Поэтому с радостью приглашаю вас на эту выставку. Я очень рад, что к юбилею Ефросинии нам удалось её – правда, в экстремальных условиях – собрать и буквально наполнить этот зал, хотя мы собрали, конечно, далеко не всё».

Художница поблагодарила собравшихся и всех, кто имел отношение к ее работе. Особую признательность она выразила своему другу скульптору Леопольду Бляху, который на протяжении всех шестидесяти пяти лет их дружбы, в том числе и в самые тяжёлые периоды жизни, поддерживал её, и о. Георгию Кочеткову – вдохновителю выставок.

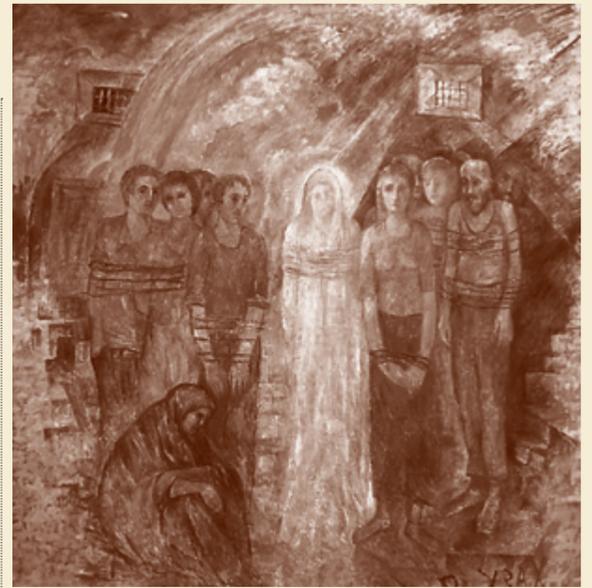
Затем профессор Александр Копировский провёл первую экскурсию по экспозиции, которая делится на две части – живопись и иконопись.

В середине экспозиции выставлено произведение, не принадлежащее кисти самой художницы: это её портрет, написанный Анатолием Зверевым в 1981 году.

Иконописное творчество Ефросинии неразрывно связано с её жизнью в Церкви, в братстве. И эта связь началась с самой первой её иконы – «Спас Нерукотворный», написанной в 1988–89 годы и ставшей единственной иконой первой встречи-собора в г. Электроугли, на котором в 1990 году родилось Преображенское братство.

Выставка продолжит свою работу до 9 июня 2013 года. Приглашаем на неё всех желающих. Справки по телефону 8 (968) 764-52-12.

по материалам новости Дарьи Макеевой
(Информационная служба Преображенского братства)

Неоконченная картина художницы – «В узах»

Интервью с художницей и с гостями выставки

Как Вам кажется, какое значение для Вашего творчества имел братский путь, найденный в церкви?

Ефросиния-Лариса Галкина: Если бы его не было, то не было бы и моего искусства.

После крещения, а впоследствии и после того, как я вошла в общину, у меня совершенно изменилась и искусство, и мое отношение к нему, и вообще вся я.

А иконопись только после этого и началась?

Да.

Какие имена Вы назвали бы, отвечая на вопрос: на кого Вы внутренне опирались в своём творчестве?

Дионисий, Андрей Рублёв – это для меня самые главные художники. До крещения это были Врубель, Серов, Моне, Сезанн и Кандинский. Но, конечно, Дионисий для меня всегда был примером, даже немного образцом для подражания.

Как Вам кажется, что важно увидеть тем людям, которые ещё придут на эту выставку?

Л.И. Блях: Человек воспринимает искусство «в меру своей испорченности».

Люди должны всё пропускать через себя, но беда, наша человеческая беда, что когда мы приходим на выставку, мы проходим кругом-бегом. На любой выставке, в любом музее – сколько мы тратим на просмотр произведения? Одну или две секунды! А если это вас зацепило или это вам дало по морде, или это, наоборот, вас облагородило, вы возвращаетесь, и вот тогда будете стоять и пять, и десять минут, и больше. Вы проходите мимо произведений, не замечая их. Вы видите их, ваш глаз работает, но работает в одну только сторону, он не видит внутренних тем этой картины, он не понимает, зачем человек это сделал. Вот я, например, не понимаю, зачем это сделала Галкина. Я продолжаю говорить: «Галкина, ты зачем это сделала?» Вот висит портрет моей жены на фоне Москвы. Вы на этой картине ни одного конкретного московского здания не найдёте, но зато увидите богатейший образ, который она создает. У неё же ничего срисованного нет! Срисовывать приходится, когда себя делаешь. Когда она была девчонкой 65

лет назад, она срисовывала всё вокруг, но она это делала таким образом, что в её душе сложилось впечатление о природе, впечатление о Москве. И она работает не срисовыванием, она предлагает просто образы того или иного предмета. И это гораздо больше, потому что это через душу прошло, через мольберт проработалось, и она нам всё это выкладывает так, как она видит, не так, как я, не так, как вы, а так, как она. А вы хотите понять так, как она? Пожалуйста. Она действительно большая художник. Но у нас на Руси принято не замечать, а ещё чаще – затаптывать хороших мастеров. Мы человека не ценим, мы художника не ценим, мы ничего не ценим. Убыло двадцать семь миллионов на войне – «да ладно, бабы нарожают!» А то, что среди этих миллионов были изумительные мастера, художники, художники живописи... Я не говорю о тех, кого посадили, кого выслали, кого расстреляли. У нас с самого начала XX века умелые люди погибли первыми. Неважно – крестьяне, слесари, токари, инженеры... Такой человек был первым, потому что он был не нужен, он был расходным материалом, который использовали люди в одинаковых шинелях и ни на что не реагирующие. Ну, что делать?

Так что будем благодарны Господу Богу, что сохранил и донес до нас Фросю!

Каков, на Ваш взгляд, итог этой выставки как целожизненного служения?

А.М. Копировский: Смотри на работы Ефросинии-Ларисы Галкиной, можно сказать, что живопись – и её призвание, и её целожизненное служение. Вопрос, правда, в том, кому служить. Художник может посвятить свою жизнь служению музам, то есть искусству, красоте. И если в 85 лет человек продолжает писать, а не собирает по разным местам свои проданные когда-то картины, чтобы утешиться воспоминаниями, значит, и это служение было настоящим, принесло плод.

Но гораздо сложнее послужить своим искусством Богу и Церкви. Ефросиния-Лариса смогла освоить иконопись не как новый вид живописи для себя, т. е. как новую технику, новые формы, новый стиль, а как то, с чем она смогла отождествить себя как человека. Хотя она очень традиционный иконописец (не экспериментирует с формой, идёт в русле канона, не допуская никаких отступлений при этом), для неё каждая икона – событие. Каждая икона создаётся ею по конкретному поводу, в связи с конкретными людьми, в контакте с теми, кто может здесь что-то подсказать, – богословами, историками искусства. Это уже в некотором смысле церковное творчество. У неё есть иконы более совершенные, менее совершенные, но все они – живые, настоящие.

Открыв для себя иконопись, она не бросила живопись, но продолжила писать параллельно, хоть и значительно реже, чем раньше. А сейчас опять больше занимается живописью, чем иконами. И

не потому, что захотела вновь послужить музам. Нет, это в некотором смысле миссия, благовестие. И доказательство того, что живописью тоже можно свидетельствовать о Боге. Причём не обязательно это будут «благочестивые» сюжеты, но – портрет, пейзаж, даже натюрморт или полуабстрактная композиция.

И ещё это доказательство того, что она сама в Церкви и в Боге переживает не вторую или третью молодость, а настоящую зрелость. Она достигла своей вершины, на которой не холодно, не одиноко. Пусть относительно великих художников вершина совсем невелика, может быть, она крохотная – неважно. Пусть Господь это оценит, и пусть наше братство, церковь, другие люди оценят её работы как произведения церковного художника. Её творчество – прекрасный пример того, как два начала, иконописное и живописное, не смешиваются, не противопоставляются, а раскрываются в той полноте, которая ей как художнику доступна, и даже позволяют подняться немножко «выше себя».

Как Вы думаете, какое значение для творчества Ефросинии-Ларисы Галкиной имел её братский путь в церкви?

Существует природный алмаз. Он сам по себе красив и дорог. Если на него нанести 57 граней или больше, он превращается в бриллиант. Мне кажется, что братская, церковная жизнь для неё – это то же, что нанесение граней на природный алмаз. Она его получила до обращения. Уже первые её работы показывают, что как художник она уже состоялась в начале 1950-х. Но вдруг человек говорит: «нет, и в живописи перейду к другим формам и содержанию, и иконы буду писать». Такое, конечно, без церковной и братской жизни невозможно, потому что художнику для роста нужен в первую очередь не заказчик, а заинтересованный зритель-собеседник. В художественной жизни этого сейчас чрезвычайно мало. С начала XX века в искусстве царствуют заказчики. Об этом писал тогда же академик Игорь Грабарь. И, к сожалению, даже значительные художники часто устремляются туда, где больше денег, славы, где известность приносит яркие, но сиюминутные ходы, а не поиски глубины, не поиски себя, тем более – не поиски Бога.

Для Ефросинии-Ларисы глубокая перемена в творческом пути была не самовыражением, а попыткой ответить на общение. Её картины украшают комнаты, где происходят братские встречи, иконы вешаются в красный угол или приносятся в наши часовни. Близкие, лично знакомые ей люди молятся перед этими иконами. Я думаю, многие художники и иконописцы отдали бы всё за то, чтобы иметь постоянную заинтересованную именно в них зрительскую аудиторию, а не просто слышать от кого-то критику или похвалу. Потому что в среде, одинаково родной для зрителей и для художника, его иконы и картины начинают жить новой жизнью.

Если искать опоры для возрождения живописи в эпоху постмодерна, то это должны быть пусть маленькие, но живые «точки», из которых распространяется свет, а не новые концепции или манифесты. С конца XIX века художественные манифесты зачастую интереснее, чем творчество тех, кто пишет эти манифесты. Ефросинию это миновало, как миновало её и проблема многих художников, творивших вопреки, а не благодаря условиям, в которых они жили и работали. У неё после прихода к Богу, в Церковь, а затем и в братство всё получалось «благодаря», а не «вопреки».

Какое значение её творчество имеет для церкви?

Может быть, никакого. Предположим, что никто, кроме нас, выставку не увидит ни в ближайшее время, ни в будущем. И что? Помните, как пел Высоцкий: «Мне есть что спеть, представ перед Всевышним...» У неё тоже есть, что «показать» Всевышнему, потому что она работала не против Бога и не «мимо» Бога, как будто Его нет. И это явно отпечаталось в её работах. В них – внутренняя тишина, мир, гармония, глубина цвета, хотя часто это достигается художественными средствами вполне современными – в том числе, деформациями, условностями.

Недавно в нашем институте ректор о. Георгий и преподаватели встречались с известными учёными-физиками, и один из них сказал: «Господь Бог благословил человека не учитывать Его в научных расчётах». Но ведь можно, не нарушая своей свободы, и учитывать! Ефросиния-Лариса творит, действительно, с Божьей помощью: ну как в 85 лет писать иконы и картины, когда она по состоянию здоровья, что называется, еле дышит? В Псалтири говорится, что есть люди, которые «...и в старости плодовиты, и сочны, и свежи» (Пс 91:15). Это к ней относится вполне – не по её физической силе, а потому что в её немощи явно действует сила Божья. Пожалуй, в этом значение её творчества для церкви: оно подтверждает, что есть в ней те, на ком исполняются слова Священного Писания.

Впрочем, может случиться и так, что её выставка поедет куда-то в другие города. Её увидят совсем незнакомые автору люди, и им что-то понравится, что-то их удивит или обрадует. Тогда церковное значение творчества сестры Ефросинии будет больше. Мы все – и она, и организаторы выставки, и её первые зрители – открыты к такому повороту событий. Мы надеемся на встречу и общение. И примем любое мнение, любое слово, если оно будет живым.

Беседовали
Александра и Елисавета Колымагины

Христианство и современность

Вступительное слово
священника Георгия Кочеткова
на второй Открытой
(миссионерской) встрече
в Центральном
Доме журналиста
2 марта 2013 года

Так же, как и на первой встрече, те, кто хотел задать вопрос и получить ответ, заполнили просторный зал Дома журналиста

Сегодня мы продолжим нашу встречу на тему «Христианство и современность». Мне кажется, она достаточно интересна и достойна того, чтобы ей действительно уделить серьёзное внимание. Дело в том, что в наше время быть христианином труднее всего. Христианином вообще быть трудно, потому что кому больше дано, с того больше и спрашивается, но сегодня это трудно вдвойне. Мы ведь предполагаем и пытаемся это всем показать и доказать, что именно христианину даётся больше других, но не будем при этом забывать, что с христианина больше и спрашивается. И мы должны быть к этому готовы – все, кто хочет называться христианином в современной жизни.

Есть один важный момент, с которого я хотел бы сегодня начать. В прошлый раз прозвучала одна реплика, достаточно серьёзная и внушительная, в отношении того христианства, о котором я говорил (да ещё приравняв его априори к православию, причём к современному, живому православию, а не к абстрактному, идеальному), и реакция зала на неё была однозначной. Мы ведь с вами не говорим об идеальном христианстве и идеальном православии, мы говорим о живых людях, о живой вере, о современных нам вещах, и это, конечно, сильно осложняет нашу тему, потому что хорошо и приятно говорить о том, каким всё вообще должно было бы быть в каком-то идеальном озрении, но нет, мы хотим брать на

себя ответственность за живую жизнь в нашей современности и христианство воспринимать именно как живую жизнь со всеми её опасностями и проблемами, со всеми теми реальностями, которые существуют и в церкви, и в обществе, и в каждом из нас, и между нами. Так вот, в прошлый раз прозвучала реплика, что, мол, христианство, которое вы нам описываете и проповедуете, это не то христианство и не то православие, которое мы сегодня видим. Мол, вы – это исключение, а правило-то совсем другое. И сегодня я хотел бы всё-таки взять на себя смелость постараться это опровергнуть.

Да, конечно, где люди – там проблемы, это понятно. Только в Боге проблем нет, а в людях они всегда есть. В Боге проблем нет, потому что Бог есть Любовь. А в Любви проблем нет, как нет их и в Свободе Божьей. Любовь и Свобода Божья как раз все наши проблемы решают. Но насколько Бог может пробиться в наше сердце, в нашу жизнь и в наши взаимоотношения в современности – по отношению и к прошлому, и к будущему, и даже к вечности – это уже отдельная проблема, другая. Это проблема жизненная, проблема всех тех, кто живёт на земле, причём абсолютно всех. И не нужно думать, что у одних проблемы есть, а у других их нет. Хочу подчеркнуть: они есть у всех. Мы даже иногда в шутку – я особенно люблю это сравнение – говорим, что каждый, кто приходит к Богу, должен понимать, что он приходит «укушенный

змеем». Хотите – можете ассоциировать это с тем самым древним змием в раю, хотите – с какими-то другими древними чудовищами-драконами, ну и с зелёным змием тоже можно... Ведь бывает, что кто-то укушен и зелёным змием, всё бывает. Все грехи, которые существуют на земле, все виды зла и греха имеют своих живых носителей. Но я абсолютно уверен и знаю, что пока человек живёт на земле, каким бы он ни был злодеем, мучителем, гонителем, у него есть шанс от укуса этого освободиться, уйти, есть шанс изменить не только своё будущее и настоящее, но даже и прошлое. Для такой уверенности у меня есть очень серьёзные духовные основания, но я не буду сейчас на этом останавливаться, я не буду говорить о том, что значит менять прошлое, поскольку это более нюансированный момент, но это возможно. И поэтому так важно то, о чём мы с вами говорили в прошлый раз, то, к чему мы стремились во всём нашем Преображенском братстве и в Свято-Филаретовском институте, а это ведь часть церкви, часть Русской православной церкви, и пока никто, кроме разве что крайне сектантски настроенных фундаменталистов, не пытался отрицать, что мы все вместе составляем одну церковь. И поэтому пусть есть проблемы у людей, пусть они есть в церкви, потому что церковь – это люди, а, повторяю, где люди – там проблемы всегда были, есть и будут. И это в каком-то смысле нормально, для этого нам дано историческое время, для этого нам дана история, чтобы проявить действие Духа. Пусть всё это так, пусть есть проблемы и в нашей иерархии, и в церковном устройстве, и в приходской жизни, и в монастырской, и в чтении Священного писания, и в молитве, да в чём хотите, но нужно понимать, что ни к чему из этого по отдельности христианская жизнь не сводится! Нельзя свести уникальную духовную жизнь человека ни к чему из этих частных, хотя и важных, вещей. Церковь – это не иерархия, Церковь – это не просто история или культура, и тем более национальная культура, ограниченная по определению. Церковь ни к чему этому не сводится – ни к обрядам, ни даже к таинствам, или догматам, или к аскетическим формам жизни, когда в человеке раскрывается то, что в обычной житейской жизни никогда не раскрывается. И это мы обязательно должны понимать.

Да, мы несём ответственность за всех и за всё, это правильно. Достоев-

Христианство и современность

Слово священника Георгия Кочеткова
на второй Открытой (миссионерской) встрече
в Центральном Доме журналиста
2 марта 2013 года

ский был тысячу раз прав. Напомню вам ещё раз его великие слова о том, что «каждый за всех и во всём виноват». Это очень существенно, и мы должны чувствовать эту свою ответственность. В нашей стране это единственная возможность что-то изменить. Помните, я в прошлый раз говорил о покаянии народа, которого у нас не было, за преступления на нашей земле, совершённые в XX веке? Этого покаяния не свершилось, и поэтому наше будущее до сих пор под вопросом. Поэтому мы не знаем, как относиться к самим себе, к своему прошлому, настоящему, есть ли у нас будущее, есть ли у нас общество, государство, – мы ничего этого не знаем и не будем знать до тех пор, пока не очистим своего сердца. А очищается оно именно покаянием, то есть изменением своей жизни пред лицом Божиим, пред лицом совести, своей и других людей, потому что нам снова нужно научиться жить вместе и жить по совести. А что такое «совесть» – со-весть, со-знание пред лицом Божиим, со-ведание? Это то, что соотносительно: то, что есть глубоко внутри каждого человека, в самой его глубине, но и то, что соотносит этого человека с глубиной другого человека, которого посылает ему Бог. А каждая встреча, каждый момент настоящего общения – не просто контактов, не просто тусовки, не просто деловой пользы – это то (мы в этом глубоко уверены), что даётся именно от Бога. Это зависит не от случая, не от обстоятельств, это происходит не потому, что мы хорошо воспитаны или такие добрые. Конечно, хорошо, когда мы хорошо воспитаны, когда мы добрые – нет спора. Но для того, чтобы выйти на это общение, на эту встречу, на эти глубокие экзистенциальные вещи, нужно иметь какой-то импульс, какую-то искру свыше. И она доступна, конечно, каждому, в этом тоже нет никакого сомнения. Я уже сказал, что пока человек живёт на земле, пока его, если хотите, Бог на земле терпит, до тех пор у него есть шанс действительно жить в этой совести, в этой соотносённости с Богом и божественным знанием, с Богопознанием, если сказать точнее, как и с божественным откровением, то есть с тем, что даёт нашей жизни смысл и одухотворённость.

Именно поэтому я никак не могу согласиться с тем, что в силу того, что мы говорим и делаем (предположим, что многим собравшимся здесь в прошлый раз это понравилось), мы – это одно, а церковь, историческое православие, при всех его проблемах, но и при всех славных страницах его истории – это нечто

другое. Церковь – это Народ Божий, и этих народов не может быть несколько. Все, кого, говоря на евангельском языке, можно назвать детьми Божиими, чадами Божиими, – все составляют этот народ. И народ этот, конечно, один. Все, кого Бог признаёт Своими, входят в этот народ. Надо лишь одно: чтобы каждого из нас – по отдельности и всех вместе – Бог признал Своими. Мы Ему не чужие, и Он нам не чужой. Это не какая-то внешняя сила, это не компьютер: нажал на кнопку – и получил нужный результат, облегчил себе жизнь, устроил хорошо свои земные дела, пристроился... Нет, это совсем другое. Если это и бог, то совсем другой бог, такой, которого мы скорее называли бы идолом или кумиром. Сейчас у людей очень много кумиров и идолов, может быть, даже больше, чем в древние языческие времена. Это страшно, но это факт. Люди ищут себе кумиров. Поэтому не случайно люди не стесняются называть себя фанатами какой-нибудь группы, или какого-нибудь певца, или не знаю чего ещё. «Фанат» в переводе с греческого значит смертник. Это человек, который готов жизнь свою отдать за что-то. Простите, разве это мыслимо? Возьмите любую группу или даже сложите их все вместе по всему земному шару, и они не будут стоить жизни одного человека. Как же люди могут называть себя фанатами? А такого фанатизма много и в другом – в отношении к экономике, к политической жизни, к жизни во власти. Богатство, власть, слава, внешние почести по-прежнему всерьёз становятся для многих содержанием жизни и тем самым эту жизнь обесценивают, низводят её до нуля, до нижайшего уровня, где уже нет ценностей, а есть только стоимость: чего-то стоит и это, и то, и то...

Именно поэтому то, о чём мы с вами говорим, имеет огромное значение для каждого. Каждый должен научиться выуживать из себя этого идола для того, чтобы его уничтожить, потому что практически у каждого есть как этот змеиный яд в крови, так и подобные идолы. И мы с вами призваны, здесь и сейчас, не на глазах друг у друга, не для того, чтобы признаваться или каяться при всех, этого не нужно, но достаточно каждому просто посмотреть внутрь себя, просто открыть глаза, трезво оценить свою жизнь и увидеть, сколько есть идолов, которым мы нередко поклоняемся вместо Бога. Поэтому часто и Богу нет в нас места, ведь Его место занято. Любая вещь, абсолютно любое явление или любой человек, если они занимают место Бога, становятся

идолами, то есть вещь смертоносной. Отсюда и этот яд змеиный – дьявольский, сатанинский – называйте его, как хотите, это всё, повторяю, только вопрос терминологии.

...я понимаю, что лукавый извращает наши мысли, и он может привести кого-то к такому выводу: мол, мы единственные проводники, что-то вроде сталкеров. Нет, конечно, это не так, но мы бы хотели этому делу помочь, помочь тем настоящим святым, которые всегда в жизни присутствуют.

Должен сказать, что я очень рад тому, что мы сегодня вот так встретились и можем поговорить. Я уже сказал те несколько вещей, о которых всю эту неделю думал и о которых мне хотелось сказать в первую очередь. Я очень по-разному пытался к ним подходить, но каждый раз всё равно возвращался к тем мыслям, которые сейчас постарался вам как-то озвучить. В этом вопросе слишком дорога цена ошибок. Здесь нет разных путей. Если Бог один, то и путь к Нему тоже один. Не форма – формы, конечно, разные. Ведь люди все разные, и сколько людей, столько и уникальных возможностей пройти по этому единственному пути. Но если Бог один, то и путь к Нему один.

В наше время как-то очень распространилась одна страшная постмодернистская вещь, которая, однако, возникла задолго до постмодерна: мол, у каждого свой путь, и вообще все пути ведут к одному и тому же. Идите, мол, по любому пути – и вы всё равно придёте к тому же Богу. Да и вообще не важно, в кого и во что вы верите и что делаете – всё это не имеет абсолютно никакого значения. Это так называемый «теософский ход», как сказал однажды Евгений Рашковский. Это ложь великая, она позволила людям обмануть самих себя, наподобие того как это делалось в советские времена. Помните – хоть здесь и мало людей, которые хорошо помнят, что было тогда, но всё-таки есть, – вспомните, как люди обманывали себя, говоря, что у них вера «в душе». А если вера в душе, значит, можно больше ничего не делать. Добавьте к этому «у меня свой путь» – и всё, и можно было жить так, как наши люди часто и жили, даже те, у кого была совесть или её остатки, то есть абсолютно бесчеловечно. Жить по-Божески – это значит жить по-человечески, а чтобы жить по-человечески,

если мы с вами этого хотим, надо жить по-Божески. И я повторяю и не боюсь этого, хотя и понимаю, что кто-то из вас наверняка будет возмущён, пусть и очень тихо, про себя, что путь к единому Богу один, хотя мы по нему и идём всегда по-разному. У каждого своё лицо пред Богом, каждый – свободная и самостоятельная личность по призванию, но у всех один путь к Богу.

Ну вот, уже первое возмущение выразилось быстро и прямо: мол, кто-то может сделать вывод, что прийти к Богу можно только через нас. Но ведь вы понимаете, что я этого не утверждал, и мне бы даже в голову это никогда не пришло. Но я понимаю, что лукавый извращает наши мысли, и он может привести кого-то к такому выводу: мол, мы единственные проводники, что-то вроде сталкеров. Нет, конечно, это не так, но мы бы хотели этому делу помочь, помочь тем настоящим святым, тем настоящим сталкерам Бога, которые всегда в жизни как-то появляются и присутствуют. Мы, правда, сейчас как никогда плохо знаем, кто эти люди. В древности люди знали, кто среди них пророки, кто из живущих рядом, бок о бок с ними, святые. Мы знали это даже в советские времена, хотя и немногие. Но я, например, хорошо знал. А сейчас мы обычно не знаем, кто наши пророки, не знаем, кто в наше время святой. Мы знаем, что есть много людей, желающих жить по совести, и за это слава Богу. Но мы также знаем, как подчас плохо это получается. Или бывает, что то получается, то не получается. Поэтому кто тут сталкер, кто первый, а кто последний, я вам не скажу. Пусть каждый сам ищет, каждый сам находит. Мы же только стараемся помогать. Конечно, на этот вопрос есть единственный ответ, классический, и он абсолютно верный на все времена и для всех людей: Христос. Однажды сказавший, что «Я есть Путь, Истина и Жизнь» – вот Он действительно Путь, действительно Истина и действительно Жизнь; через Него открываются нам эти вечные вещи.

Но ко Христу ещё надо приобщиться, причём неформально, не просто лоб перекрестить, не просто свечку поставить и даже – скажу вам честно – не просто причаститься. И хоть наизусть знайте всё Писание, это ничего не гарантирует. Всё это вещи, которые относятся к религиозной части жизни, а всем известно, что религиозности недостаточно. Это только внешняя форма, причём одна из возможных форм, ведь могут быть и другие. И в истории здесь было всякое. Но не к форме сводится наша христианская жизнь. Тут дальше можно говорить сколько угодно, потому что из истории мысли, из истории духа человеческого, из мистической истории человечества известно, как люди решали и решают для себя эти вопросы, что они делали для того, чтобы действительно приоб-

щиться ко Христу. Известно, как люди ошибались, известны крупные, большие исторические ошибки и на Западе, и на Востоке, и на Севере, и на Юге, и где хотите... Бердяев как-то замечательно сказал, что «легче быть атеистом, легче быть иудеем, легче быть мусульманином, ещё легче быть язычником, труднее всего быть христианином». И это действительно самая большая трудность. Но именно этот путь предлагает нам Господь Бог. Ведь Он обращается к каждому из нас. Каким образом – отдельный вопрос; это, наверное, каждый сам про себя знает. В жизни каждого человека это всегда что-то абсолютно неформальное и эвристическое. Не имел – и вдруг нашёл, поискал – и обрёл. Вот это и есть самое главное. Собственно, к этому я всех вас и приглашаю. И давайте теперь об этом поговорим.

Некоторые вопросы и ответы из обсуждения

Каждый человек, по учению церкви, непостижимо является полноценной личностью сразу же в момент рождения. (ОГ, комментируя по ходу чтения записки: Ну, это большой вопрос. По учению церкви всё совсем по-другому.) Личность может быть героической, гениальной, а может быть эгоистической, маниакальной. (ОГ: Это индивидуум может быть таким, а личность не может. Но это так, в скобках.) А какой, на Ваш взгляд, личностью является Достоевский? (ОГ: Гениальной, конечно.) Может ли человек быть христианином и писать литературу, не нарушая заповедей?

О. Георгий Кочетков Достоевский был необыкновенно страстным человеком, как известно, в молодости он даже был игроком. Он был человеком очень больших страстей, и это помогло ему написать его некороткие романы. Читать

их в наше время немножко трудно из-за большого объёма. Я бы сократил (*смех*). Но в них всегда есть какие-то перлы и зёрна, которые имеют мировое значение, которые сыграли колоссальную роль в XX веке. Достоевский на сегодняшний день – это достояние всего мира, это наша слава, это то, что мы вложили в сокровищницу мирового духа, мировой культуры, то, чем мы безусловно можем гордиться. Но я же говорил, что личность не рождаются. По учению церкви, личность становятся. Рождаются индивидуумами, а это не одно и то же, это вещи противоположные. Достоевский, конечно, был христианином, создавал гениальную христианскую литературу, где так много сказано о человеке, о его противоречиях, о его вере и безверии и об ужасных последствиях всего этого. Достаточно вспомнить его «если Бога нет, то всё позволено». XX век это подтвердил страшными, многомиллионными жертвами. Только в нашей стране десятки миллионов людей подтверждали этот закон, открытый Достоевским, своей судьбой.

А в отношении «нарушать заповеди»... Понимаете, что делать, святые – тоже не безгрешные люди. Я очень благодарен Ирэн за эту записку, но должен сказать одну очень непростую для многих из вас вещь: все святые не безгрешны. Вы не найдёте ни одного исключения, и если вы откроете Новый Завет, то прочтёте признание одного из апостолов, который говорит: «Все мы много согрешаем». И не случайно лишь о Христе – единственном Человеке, но при этом Человеке особом, не совсем таком, как мы (по-человечески Он такой же, но в Нём было ещё что-то, чего не было у других) – говорится, что Он действительно безгрешен. И никто не может обличить Его в неправде. И никогда за две тысячи лет никто не мог этого сделать, даже самые отъявленные Его враги, даже самые неверующие люди. Все же остальные имеют грехи, и особенно пророки и гении часто, увы, подвержены очень большим страстям,

и им труднее живётся, чем всем остальным людям. Но зато и результат как у Достоевского...

Чем молитва отличается от магии слова, то есть от самовнушения, установок, гипноза?

О. Георгий Отличается принципиально. Магия как раз предполагает иной, механический подход. Это как игра на компьютере – или не игра, а просто механизм. Магическое слово должно в обязательном порядке иметь запрограммированное действие, иначе это не магия. Но это не относится к молитве. Молитва свободна, молитва – это форма общения человека с Богом, которая может быть и словесна, и бессловесна; она может как благодать сойти на сердце человека в любом месте, в любое время и в любом положении, если только совесть позволяет, если совесть не прерывает это общение. Вот этим она и отличается, больше ничем. Если это молитва к идолу, то такая молитва может быть и магической. Христианская молитва не может быть магической, и это важно.

Люди молятся святым, Богородице... Правильно ли это? Ведь в Библии написано: «один посредник между Богом и человеком – Христос Иисус».

О. Георгий Вы очень хорошо процитировали библейский текст, спасибо Вам. Это абсолютная правда – не только то, что там так написано, но и то, **что** написано. Мы не молимся святым, Богородице или ангелам как посредникам. И тем более мы не обожествляем их. Они лишь наши помощники, потому что Бог не есть Бог мёртвых, а Бог живых. Он Бог Авраама, Исаака и Иакова, как сказано в Писании, но не мёртвых. И мы обращаемся к живым, которых почитаем как тех, кто ближе к Богу. Но я точно так же могу почитать таковыми, скажем, сидящих здесь перед вами братьев Сергея и Дмитрия и просить их помолиться обо мне. Просить – значит, молить. Я ведь могу помолиться Сергею или Дмитрию, прося их помолиться за меня, немощного и грешного, разве не могу? – Могу. И результат будет, точно знаю, если, конечно, они согласятся на мою просьбу. А они по смирению своему согласятся, и всё будет хорошо (*смех*).

Как определить меру собственной вины и персональной ответственности?

О. Георгий Ну, что значит «меру собственной вины»? В каком-то смысле мы не можем о себе судить. Определить меру собственной вины – это значит судить себя. Иногда бывало, что святые отцы призывали судить только себя и не судить других, в том смысле, чтобы не засуживать, не осуждать, не чувствовать

себя истиной в последней инстанции ни при каких обстоятельствах. И в этом контексте судить себя – это замечательно, это можно и нужно. Но в другом контексте даже и этого нельзя. Апостол Павел говорит: «Я о себе не сужу». Но это большая высота – не судить о себе, то есть быть настолько уверенным в водительстве Божьем, что я могу уже не судить о себе, зная, что «сила Божья и в немощи совершается». Даже в очень большой немощи – в болезни, в трудах, в несвободе (внешней, социальной, экономической, семейной, профессиональной, космической, какой хотите) – сила Божья всё равно может совершаться. Только она действительно должна совершаться, и мы должны любому, желающему в этом удостовериться, предьявить доказательства, а не просто считать, что всё это где-то совершается, но никто не знает, где и что. Чем удивительно христианство и православие, так это тем, что оно допускает подтверждение всех утверждаемых истин. Ничего не надо принимать просто на веру, по суеверию или по магии слова. Всё, даже догматы, можно и нужно подтверждать жизнью. И в Евангелии сказано: «По плодам их узнаете их».

Так что с «мерой ответственности» вот так получается, непросто. Персональная ответственность всегда есть, она существует по мере нашей совести. Насколько мы на себя берём эту ответственность, настолько она и есть. Если не берём – нет персональной ответственности. Хотя это может означать и бессовестность.

Дальше у меня здесь вопрос немножко не по теме, и поэтому я буду краток, но всё-таки совсем не ответить на него, может быть, было бы неправильно.

Правильно ли называть Мать Иисуса Христа Богородицей? Иисус – стопроцентный Бог и стопроцентный Человек, но Он существовал ещё до создания мира.

О. Георгий Ну, в целом правильно. Только надо выражать это чуть более точным языком, а то у вас получается двести процентов в одном целом, а это как-то не совсем логично. Но действительно Христос существовал и до создания мира как божественный Логос, как Божье Слово. И Он действительно совершенный Бог («стопроцентный» здесь значит полный, совершенный) и действительно совершенный Человек. Вы просто повторяете на своём замечательном языке догматическое определение церкви. Но именно потому, что Он совершенный Бог, а не только совершенный Человек, именно потому, что Он существовал ещё до создания мира в этой Своей божественной сущности, именно поэтому Матер Господа и называется Богородицей. И дело даже не в том, что Её нельзя было называть

«Христородицей» – помните определение III Вселенского собора в Эфесе? – дело в том, что когда Её называли в те времена (в V веке) Христородицей, то этим хотели сказать, что Она кто угодно, только не Богородица. Ведь не может же человек родить Бога, ну что это за ерунда? С точки зрения обычной человеческой логики это действительно абсурдно, но с точки зрения внутренней логики церкви – то есть возможности полного единения Бога и человека, умения в нём дара Божьего настолько, чтобы человек стал Богом (не в смысле повторения того, что существует, а в смысле полноты приобщения), – это было правильно. Я не знаю, ответил ли я на Ваш вопрос; должно быть, ответил, но боюсь, что слишком коротко.

У меня к Вам просьба прокомментировать следующее суждение. Я после нашей последней встречи залез в Интернет и почитал там о вашем братстве. Ну, там разные мнения высказываются и среди прочего говорится, что, мол, члены братства, скажем так, христиане на 120 процентов, в отличие от всех остальных. Это имеет место быть? Мне бы хотелось услышать Ваш комментарий.

О. Георгий Ну, друзья мои, мы здесь перед вами с открытым лицом. Вы чувствуете, что мы считаем, что мы на 120 или на 200 процентов христиане, а остальные в лучшем случае на два? Не чувствуете? Ну вот, я думаю, вы лучше меня на этот вопрос ответили, спасибо.

После обсуждения

Я хотел бы ещё раз сказать (мы с этого начинали и этим же хочется закончить), что христианство – это приобщение к полноте божественной жизни; христианство – это приобщение к Богу через Христа в Духе Святом; христианство – это приобщение к Народу Божьему, то есть к Церкви; а значит, христианство – это всегда жизнь в любви и свободе, потому что квинтэссенция божественной жизни именно в этом. Поэтому применяйте это к себе, только не подменяйте любовь сентиментализмом и похотью, а свободу – любовью рода произволом или хаосом и индивидуализмом. И тогда вы действительно почувствуете во всём помощь Божью, вы действительно будете находить ответы на серьёзные, глубокие духовные вопросы, вы действительно найдёте выход из всякого положения, даже такого, которое сегодня, может быть, кажется вам не имеющим выхода.

Ну вот, на этом я, пожалуй, должен закончить нашу встречу. Огромное всем вам спасибо за участие!